I. ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

Информация для цитирования:

Бочкарев С. А. Знание как новая форма права // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2021. Вып. 51. С. 6–29. DOI: 10.17072/1995-4190-2021-51-6-29.

Bochkarev S. A. Znanie kak novaya forma prava [Knowledge as a New Form of Law]. Vestnik Permskogo universiteta. Juridicheskie nauki – Perm University Herald. Juridical Sciences. 2021. Issue 51. Pp. 6–29. (In Russ.). DOI: 10.17072/1995-4190-2021-51-6-29.

УДК 340.1

DOI: 10.17072/1995-4190-2021-51-6-29

ЗНАНИЕ КАК НОВАЯ ФОРМА ПРАВА

С. А. Бочкарев

Институт государства и права РАН
E-mail: bo4karvs@yandex.ru

Поступила в редакцию 02.12.2020

Введение: в статье обращается внимание на то, что в состав предмета философско-правовой дискуссии перестали входить вопросы глубинного порядка. Вне поля зрения остается дискурс взаимовлияния дисциплин. В частности, не рассматривается вопрос о том, как в современную эпоху соотносятся философия и право. Поиск ответа указал на изменяющееся отношение философии к феномену «знание». Когнитивный аспект проблемы связан с иным масштабом и реальным значением знания. Сегодня философия заявляет и обосновывает тезис о знании как новой форме бытия. **Цель:** проверкой философской гипотезы установить, что знание всегда имело место, но как форма бытия долгое время находилось в тени сознания. В новой реальности знание вследствие трансформации обрело доминирующий формат. **Методы:** сравнительный и исторический анализ. **Результаты:** установлена и обоснованность философского подхода к знанию как к форме бытия, и претензии этого явления на статус новой формы права. Знание существует в трех ключевых и неразрывно взаимосвязанных ипостасях: как объект эволюции общественного сознания; как результат конкретно-исторического развития; как предмет повседневности, когда правовое знание о событии происшествия вырабатывается «здесь и сейчас» участниками судопроизводства.

Ключевые слова: право; философия права; гносеология права; эпистемология права; философия уголовного права; знание; уголовно-правовое знание; форма бытия; форма права; чувство; воля

KNOWLEDGE AS A NEW FORM OF LAW

S. A. Bochkarev

Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences
E-mail: bo4karvs@yandex.ru

Received 02.12.2020

© Бочкарев С. А., 2021

I. THEORY AND HISTORY OF STATE AND LAW

Information for citation:

Bochkarev S. A. Znanie kak novaya forma prava [Knowledge as a New Form of Law]. Vestnik Permskogo universiteta. Juridicheskie nauki – Perm University Herald. Juridical Sciences. 2021. Issue 51. Pp. 6–29. (In Russ.). DOI: 10.17072/1995-4190-2021-51-6-29.

Бочкарев С. А. Знание как новая форма права // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2021. Вып. 51. С. 6–29. DOI: 10.17072/1995-4190-2021-51-6-29.

UDC 340.1

DOI: 10.17072/1995-4190-2021-51-6-29

KNOWLEDGE AS A NEW FORM OF LAW

S. A. Bochkarev

Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences
E-mail: bo4karvs@yandex.ru

Received 02.12.2020

Introduction: the article draws attention to the fact that the subject of philosophical and legal discussion no longer includes issues of deep order. Questions of the influence of disciplines on each other remain out of sight. Among those is the question of the lesson that philosophy teaches to law in the modern era. The search for an answer to this question points to the changing attitude of philosophy towards the phenomenon of knowledge. The cognitive aspect of the problem is related to the new understanding of the real meaning of knowledge, its extensiveness. Today philosophy declares and justifies the thesis of knowledge as a new form of being. **Purpose:** by testing the philosophical hypothesis, to establish that knowledge has always taken place but as a form of being it was long in the shadow of consciousness. In the new reality, knowledge transformed into the dominant format. **Methods:** comparative and historical analysis. **Results:** the study confirmed both the validity of the philosophical approach to knowledge as a form of being and the claim of this phenomenon to the status of a new form of law. Knowledge exists in three key and inextricably interrelated hypostases: as an object of evolution of public consciousness; as a result of concrete historical development; as an object of everyday life, when legal knowledge about an incident is developed 'here and now' by participants in legal proceedings.

Keywords: law; philosophy of law; gnoseology of law; epistemology of law; philosophy of criminal law; knowledge; criminal law knowledge; form of being; form of law; sense; will

Information in Russian

ЗНАНИЕ КАК НОВАЯ ФОРМА ПРАВА

С. А. Бочкарев

Институт государства и права РАН
E-mail: bo4karvs@yandex.ru

Поступила в редакцию 02.12.2020

© Bochkarev S. A., 2021

Introduction: the article draws attention to the fact that the subject of philosophical and legal discussion no longer includes issues of deep order. Questions of the influence of disciplines on each other remain out of sight. Among those is the question of the lesson that philosophy teaches to law in the modern era. The search for an answer to this question points to the changing attitude of philosophy towards the phenomenon of knowledge. The cognitive aspect of the problem is related to the new understanding of the real meaning of knowledge, its extensiveness. Today philosophy declares and justifies the thesis of knowledge as a new form of being. **Purpose:** by testing the philosophical hypothesis, to establish that knowledge has always taken place but as a form of being it was long in the shadow of consciousness. In the new reality, knowledge transformed into the dominant format. **Methods:** comparative and historical analysis. **Results:** the study confirmed both the validity of the philosophical approach to knowledge as a form of being and the claim of this phenomenon to the status of a new form of law. Knowledge exists in three key and inextricably interrelated hypostases: as an object of evolution of public consciousness; as a result of concrete historical development; as an object of everyday life, when legal knowledge about an incident is developed 'here and now' by participants in legal proceedings.

Keywords: law; philosophy of law; gnoseology of law; epistemology of law; philosophy of criminal law; knowledge; criminal law knowledge; form of being; form of law; sense; will

Введение

Предмет дискуссии философов и юристов обычно сводится к обсуждению вопросов о том, что есть философия права, в чем ее потенциал, каков предмет и метод этой дисциплины, чем она отличается от смежных отраслей знания. Динамика полемики известна, а возможность ее изменения, как правило, маловероятна и легко прогнозируема. Не менее значимый результат связан с тем, что в последние годы работа в этом направлении, по оценкам специалистов, приобрела чисто семантический характер, «...некоторые из самых могущественных умов в этой профессии развлекаются игрой слов» [68]. Юриспруденция как деятельность по теоретизированию и философствованию о праве и его природе, по мнению С. Смита, стала близка к отмиранию. Юриспруденция как вид практической деятельности, по убеждению С. Хершовица, движется к своему концу [53].

Очередной массив философско-правовой тематики составляют вопросы дробно-точечного и локально-отрывочного порядка. В этих рамках исследуются онтологические, гносеологические или аксиологические аспекты того или иного феномена либо института права. Но и в этой части в некоторой мере достигнут предел чувства насыщения. Как отмечает Д. Паттерсон, «аналитическая юриспруденция “погрязла” в длинных, узких дебатах, которые изолировали ее практически от всех интересных

исследований в эпистемологии и метафизике» [61]. Перестали изучаться наиболее важные и глубокие вопросы права, по рассмотрении которых, как выразился О. Холмс, мы можем надеяться «соединиться ... со Вселенной и уловить Эхо бесконечного» [54]. Познанием «природы природы» права, по выражению Ф. Шауэра, мало кто занимается [66]. Из-за дефицита знаний в этих областях даже возникли предложения отказаться от разработки понятий, концепций и доктрин права [58].

Не благоприятствует постановке «глубоких вопросов» бесконечная и в определенной степени бесплодная дискуссия о принадлежности философии права к философии или к правоведению [1; 11; 16; 36]¹, к этике или политике [48]. Если дисциплину признают составной частью правоведения, то разработка проблемати-

¹ Одни задаются вопросами: «Философия права: философия или юриспруденция?» (Чукин С. Г. Плюрализм, солидарность, справедливость. К проблеме идентичности философско-правового дискурса в ситуации постмодерна. СПб.: С.-Петербург. ун-т МВД России, 2000). Другие твердо уверены в философии права как гносеологическом направлении общей теории права (Керимов Д. А. Методология права: Предмет, функции, проблемы философии права. 5-е изд. М.: Изд-во СГУ, 2009). Третьи свидетельствуют о подспудной драме наших дней – о жестком столкновении двух философских позиций в отношении права, двух полярных «философий права», существующих в системах общественной жизни и власти (Алексеев С. С. Философия права. М.: Норма, 1998). Четвертые ищут промежуточный вариант и предлагают обоснование «юридической философии» (Закомлистов А. Ф. Юридическая философия. СПб.: Юрид. центр-Пресс, 2003).

Введение: в статье обращается внимание на то, что в состав предмета философско-правовой дискуссии перестали входить вопросы глубинного порядка. Вне поля зрения остается дискурс взаимовлияния дисциплин. В частности, не рассматривается вопрос о том, как в современную эпоху соотносятся философия и право. Поиск ответа указал на изменяющееся отношение философии к феномену «знание». Когнитивный аспект проблемы связан с иным масштабом и реальным значением знания. Сегодня философия заявляет и обосновывает тезис о знании как новой форме бытия. **Цель:** проверкой философской гипотезы установить, что знание всегда имело место, но как форма бытия долгое время находилось в тени сознания. В новой реальности знание вследствие трансформации обрело доминирующий формат. **Методы:** сравнительный и исторический анализ. **Результаты:** установлена и обоснованность философского подхода к знанию как к форме бытия, и претензии этого явления на статус новой формы права. Знание существует в трех ключевых и неразрывно взаимосвязанных ипостасях: как объект эволюции общественного сознания; как результат конкретно-исторического развития; как предмет повседневности, когда правовое знание о событии происшествия вырабатывается «здесь и сейчас» участниками судопроизводства.

Ключевые слова: право; философия права; гносеология права; эпистемология права; философия уголовного права; знание; уголовно-правовое знание; форма бытия; форма права; чувство; воля

Introduction

The debate of philosophers and lawyers usually revolves around the following questions: What is philosophy of law? What potential does it have as a science? What are the subject and methods of this discipline, and what distinguishes it from other sciences of the kind? Dynamics of their polemics is well known, and chances that it may change are rather unlikely and easily predictable. Of no less importance is the fact that recent researches on the matter, as experts judge, are of purely semantic nature and 'some of the most powerful minds in the profession are amusing themselves with word play' [68]. According to Smith, jurisprudence as an activity aimed at theorizing and philosophizing on law and the nature of law is close to extinction. Hershovitz also believes that as a practical activity, jurisprudence is coming to the end [53].

Another abundant group of topics on philosophy of law is comprised of questions of particular and local order. The framework of such researches covers ontological, gnoseological, or axiological aspects of a specific phenomenon or legal institution. However, these researches have also come to a certain degree of satiety. As Patterson notes, 'analytical jurisprudence is slowly emerging from a long, narrow debate, one that has kept it isolated from virtually all of the interesting debates in epistemology and metaphysics' [61]. The most

momentous and profound questions about law are no more the focus of attention, but only by addressing these questions we might hope, as Holmes put it, 'connect... with the universe and catch an echo of the infinite' [54]. Very few researchers study 'the nature of the nature' of law as Schauer calls it [66]. There are researchers that even suggest that we should refuse from any definitions, concepts, or doctrines in law, as we know very little about these fields [58].

Never-ending and to some degree pointless debate about whether philosophy of law refers to philosophy or legal theory [1; 11; 16; 36]¹, to ethics or politics [48] also hinders the development of 'profound questions'. If we admit that philosophy of law is a branch of legal theory, then the

¹ Some researchers ask questions: 'Philosophy of law: philosophy or jurisprudence?' (Chukin S. G. *Pluralism, solidarity, justice. On the issue of identity of legal philosophical discourse in the postmodern context*. St. Petersburg: St. Petersburg University of the Russian Ministry of Internal Affairs, 2000). Others firmly believe in the philosophy of law as a gnoseological branch of the general theory of law (Kerimov D. A. *Methodology of law: Subject, functions, issues of the philosophy of law*. 5th ed. Moscow: Modern University for the Humanities Press, 2009). Still others point to the underlying drama of our days, which is the severe clash of two philosophical positions in relation to law, two polar 'philosophies of law' existing in the systems of public life and power (Alekseev S. S. *Philosophy of law*. Moscow: Norma Publ., 1998). Some others are looking for an intermediate variant and offer the justification of 'legal philosophy' (A. F. Zakomlistov. *Legal philosophy*. St. Petersburg: Yurid. tsenter-Press. 2003).

ки окажется неуместной, поскольку такой исход в полемике будет указывать на выработку юриспруденцией некоего урока для самой себя.

В меньшинстве остаются те, кто отстаивает философскую рефлексию конкретных отраслей права и доказывает, что их философское осмысление есть естественная и давно назревшая необходимость. Обращают внимание на то, что данная проблема остается в числе нерешенных в основном для отечественного знания, поскольку зарубежные специалисты преодолели сомнения в части нужности философского осмысления отраслей права и постепенно продвигаются по пути установления их онтологических основ [49; 50; 59; 69]. Указывают на возможность оставить философию права в ее междисциплинарном статусе, в т. н. «промежуточном» положении. В этой позиции право перестает восприниматься исключительно в нормативном виде, как оно преимущественно представлено в общей теории права. Философия получает не стесненные конкретными типами правопонимания условия для оперирования правом как жизненной реальностью.

В пользу такого решения проблемы поляризации «философии права» свидетельствует опыт естественных наук. Для них реальная жизнь стала критерием идентификации и классификации новых отраслей междисциплинарного знания. Возникло понимание, как отмечал В. И. Вернадский, что рамки отдельных наук, на которые распалось научное знание, не определяют область научной мысли исследователей, а проблемы, которые их занимают, не укладываются в парадигму классической науки. В связи с этим ученые стали специализироваться не по наукам, а по проблемам. Так, в конце XIX в. сложилась физическая химия, а в начале XX в. – химическая физика, каждая из которых отличалась и от физики, и от химии. Но каждая получила путевку в жизнь за счет синтеза двух научных дисциплин с преобладающим охватом одной: либо химии, либо физики [4, с. 124].

Пример естественных наук показателен. Он, конечно, в силу известных причин не подлежит шаблонному заимствованию. Социальное знание, например, не нуждается в выделении и «философии права», и «юридической философии» по причине отсутствия принципиальных отличий в методах исследований и возможности их безболезненного применения в

смежных отраслях. Однако признание существования феномена «преобладающего охвата одной дисциплины над другой» создает благоприятные условия для изучения их влияния друг на друга и для признания философии права самостоятельной областью знания, отвечающей за исследование, как минимум, условий и последствий их взаимовоздействия, в том числе для разработки вопроса о том ключевом уроке, который в современную эпоху философия преподносит праву. Для уяснения того, есть ли в этом уроке что-либо новое? Или на текущем историческом этапе философия и право, как сферы знания, в транзитивном порядке следуют пословице о «повторении как материи учения»?

В повторении, безусловно, есть своя польза, ибо, как подсказывает уже другая мудрость «век живи – век учись». И вопрос о новом, надо сказать, не новый. Некоторые авторитетные ученые постарались на него ответить и в основном с узкоотраслевых позиций задавались вопросом о традициях, новациях и инновациях в уголовном праве [2, с. 9–28; 17, с. 72–73]. Свой вклад в дискуссию попытался внести автор этого исследования, отыскивая в недрах теории уголовного права нечто новое. Для его обнаружения автор применял передовые философские дискурсы, но нашел, главным образом, то «старое», что консервирует уголовно-правовую мысль, «откопал» предрассудки, стереотипы, предубеждения и обыкновения, удерживающие ее в развитии [3, с. 194–266].

Между тем вопрос о философском уроке для права как о нечто поучительном и новом в этом уроке ни в широком смысле, ни в узком плане не задавался. Его актуализация и рассмотрение в первом приближении позволили обнаружить, что отыскание искомого философского наставления требует выхода на более высокий уровень абстракции.

Изменение высоты и ракурса восприятия полученных результатов убеждает в том, что сегодня философия привела науку к знанию. Вывод о философии, приведшей науку к знанию, может небезосновательно показаться парадоксальным или даже несостоятельным, ибо известно, что наука, являясь неотъемлемой и весомой частью всего знания, никогда с ним не расставалась. В свою очередь философия, как определенный способ мировосприятия и тип

development of the topic will no longer be of relevance, as such outcome of the polemics will denote that there is a ‘lesson’ that jurisprudence teaches itself.

Those who insist on philosophical reflection of specific branches of law and prove that their philosophical interpretation is a natural and long-pending necessity remain a minority. It is noteworthy that this issue remains unresolved mostly for Russian science, while foreign researchers no more doubt the need in philosophical interpretation of branches of law and proceed with the development of their ontological foundations [49; 50; 59; 69]. Other researchers point out that it is possible to keep the interdisciplinary status of philosophy of law or, in other words, leave it in the ‘in-between’ position. Such approach allows to stop seeing law exclusively as a set of norms, the way it is primarily presented in the general theory of law, and creates conditions that are not confined by legal interpretations and, thus, allow philosophy to view law as a fact of life.

The experience of natural sciences supports such solution of the philosophy-of-law polarization issue. For natural sciences, actual life became the criterion for identification and classification of new branches of interdisciplinary knowledge. As Vernadsky noted, at some point it became evident that the frameworks of specific sciences the general scientific knowledge had fallen into did not define the scope of scientific research and issues researchers focused on did not stay within specific sciences. Thereby researchers started to dwell on specific issues but not sciences. In such a way, at the end of the 19th century physical chemistry appeared, and so did chemical physics at the beginning of the 20th century, each of them being different from both physics and chemistry. Each of them became a true science as they synthesized two academic disciplines and had a prevailing scope in either chemistry or physics [4, p. 124].

The experience of natural sciences was a success. Of course, we cannot tritely use this experience due to well-known reasons. Social knowledge, for example, does not need to isolate ‘philosophy of law’ or ‘legal philosophy’ because there is no fundamental difference in their research methods and one may easily use these research methods in allied fields. However, the fact that there

might be a ‘prevailing scope of one discipline over another’ creates favorable conditions for analyzing interdependence of these two disciplines and recognizing philosophy of law as an independent science. The aims of this science are, among others, to analyze conditions and consequences of interactions between philosophy and law, to raise a question about the crucial lesson taught by philosophy to law, to define whether this lesson teaches something new or, at the current stage in law and philosophy development, it is just about the ‘practice that makes perfect’.

No doubt that repetition is useful as, according to another saying, ‘you live and learn’. The question about the ‘new’ is not actually new. Some authoritative researchers have tried to answer this question and have wondered about traditions, findings, and innovations in criminal law being mostly committed to specific-branch positions [2, pp. 9–28; 17, pp. 72–73]. The author of this article has also tried to contribute to this discussion, searching for something new in the depths of the criminal law theory. To find the new, the author has used advanced philosophical discourses; but mainly found ‘the old’ that restricts the criminal law thought: prejudices, stereotypes, biases, and customs that impede the development of criminal law philosophy [3, pp. 194–266].

Thus, there has not been raised the question about the philosophy’s lesson to law as something new or insightful, either in a broad or narrow sense. The first approach to the issue made it evident for the author of the article that in order to find the required philosophical lesson one needs to exceed to a superior level of abstraction, no less no more.

By changing the level and angle of viewing the research results, we may see that today philosophy has brought science to knowledge. Such conclusion might seem paradoxical or even untenable, and there is an objective reason to think like that, as we very well know that being an essential and momentous part of general knowledge, science has never parted with it. In its turn philosophy as a certain way of world perception and form of knowledge has been dealing with knowledge as one of

знания, с древних времен имеет дело со знанием как одним из основных объектов своего познания. Эволюционируя от эпохи к эпохе, философия в основном ведет речь о знании, о знающих и незнающих субъектах. В разные эпохи мыслители рассуждали о знании как символе бесконечности (Сократ, Гораций, П. Лаплас), источнике истины (Г. Бокль), добродетели, развития и совершенства (Фалес, Цицерон, Конфуций). Не меньшее внимание уделялось антиподам знания – «незнанию», «полужнанию», «поверхностному знанию» или заблуждению (Лао-цзы, М. Монтень, Ж.-Ж. Руссо, Р. Санти), в т. ч. сомнению (Р. Коттрэйв) и вере (А. Шопенгауэр). Рассматривали связь знания с практикой (И. Гете, Н. Лосский, В. Зубков, В. Белинский) и пользой (Сенека, Ф. Бэкон, Ф. Петрарка).

Вместе с тем эта аргументация не опровергает, а подтверждает высказанный здесь тезис о том, что сегодня философия сама пришла к знанию и за собой привела к нему науку. Точнее говоря, философия на протяжении всей своей длительной истории занималась познанием знания, его исследованием в самых различных социальных контекстах и жизненных экспериментах. В итоге под грузом накопленной о знании информации она обрела представление о подлинном масштабе этого феномена и сегодня сигнализирует о том, что предмет наблюдения уже не является прежним. Пора заняться его открытием или переоткрытием. Философия осознала, что существенно недооценивала знание, а посвященный ему термин не отражает его реальное значение; определяя знание лишь как результат познания чего-либо, философия увидела в знании, говоря словами М. Горького, «абсолютную ценность нашего времени» и то, как писал С. Франк, что «мы хотим знать, чтобы жить, а жить – значит... жить не в слепоте и тьме, а в свете знания».

Эпистемология и ее научное осмысление

Если говорить более определенно, то на современном этапе философия только подходит к знанию и вслед за собой подводит к нему науку, переходит от осознания реального формата знания к его познанию в новом качестве. Что это за формат и в чем заключается его модифицированное качество? Как науки обходятся со знанием в повседневности, а как они на

самом деле должны обращаться с ним? Вот те некоторые вопросы, вследствие осмысления которых в ведущих отраслях знания появились новые направления. В философии – эпистемология (или философия знания), в экономике – «экономика знания», в социологии – «социология знания». Если поначалу в философии о знании вели речь как о форме социальной и индивидуальной памяти, то сейчас о нем заявляют как о фундаментальной онтологической структуре [14, с. 14]. Если ранее в экономике знание относили к одному из многочисленных секторов экономики, то не так давно этим термином начали именовать тип экономики [22, с. 450]. Если в социологии исходно исследовались социальные предпосылки знания, то по мере развития представлений о масштабе этого явления социология скорректировала предмет своего познания, обнаружила и стала изучать «общество знания» [32, с. 3–13; 41, с. 25–43].

Небезучастным остается и правоведение. Ученые обратили внимание, что не только в правоведении, но в правотворчестве и правоприменении, в юридических правилах, процедурах, событиях и фактах многое напрямую связано с наличием или отсутствием знания, его качеством и количеством. Особенно это касается правовой мысли, которая наряду с множеством традиционных для нее целей сегодня увлечена новым занятием – «производством знаний». От других забот этот вид деятельности отличает интеллектуальная сложность, техническая строгость, методологическая скрупулезность и теоретическая опосредованность, а главное – конечная и явная цель – произвести окончательное, прочное и, если возможно, непреодолимое знание.

Оценивая положение дел в рассматриваемой плоскости, специалисты нередко прибегают к аргументации из области финансового кризиса, высказываясь об увеличивающемся «пузыре знаний». В условиях тотального релятивизма задаются рядом вопросов. Действительно ли сегодня благоприятное время для производства знаний? Действительно ли сейчас самое время искать аподиктические определенности? И надо ли полагаться на остро отточенные и приготовленные в прошлом методологические средства? Или, задается вопросом Пьер Шлаг, в период всепроникающего и нескончаемого потока информации, когда культурные,

the main objects of philosophical cognition. Evolving from one era to another, philosophy has been mostly speaking about knowledge, individuals that know, and individuals that do not know. Through the ages philosophers have been talking about knowledge as a symbol of infinity (Socrates, Horatius, and Pierre Laplace), source of truth (Henry Buckle), virtue, growth, and perfection (Thales, Cicero, and Confucius). No less attention has been paid to antipodes of knowledge such as ‘non-knowledge’, ‘half-knowledge’, ‘superficial knowledge’ or fallacy (Lao-tse, Montaigne, Russo, and Santi), including doubt (Cosgrave), and faith (Schopenhauer). Philosophers have also discussed the relationship between knowledge and practice (Goethe, Lossky, Zubkov, and Belinsky) as well as between knowledge and usefulness (Seneca, Bacon, Petrarca).

At the same time, these arguments do not deny but prove the author’s thesis that today philosophy itself has come to knowledge and has also brought science to knowledge. To be more exact, throughout the long history of its development, philosophy has learnt to know knowledge, i.e. to study knowledge in different social contexts and life experiments. As a result, burdened with all these facts about knowledge, philosophy gets an insight into the true extent of knowledge as a phenomenon and today philosophy signals us that the observed subject is no longer the same. It is time to discover or re-discover it. Philosophy has realized that it significantly underestimated knowledge, and the term dedicated to it does not reflect its immensity and real meaning as it defines knowledge only as a result of cognition. Philosophers have finally seen knowledge as the ‘absolute value of our time’ as Maxim Gorky put it and that ‘we want to know in order to live, and to live means ... to live not in blindness and darkness but in the light of knowledge’ as Semyon Frank wrote.

Epistemology and Its Scientific Interpretation

To keep it more exact, these days Philosophy is only approaching to knowledge and bringing science along. Philosophy is shifting from the actual-life format of knowledge to the interpretation of knowledge in the new quality. What is this new format, and what is this new quality? How do

sciences operate with the concept of knowledge in everyday life, and how SHOULD they do it? These are some of the questions that have been raised and have given birth to new disciplines within the main sciences, for example, epistemology (or philosophy of knowledge) within philosophy, knowledge economy within economics, and sociology of knowledge within sociology. While first philosophers talked about knowledge as a form of social and individual memory, today philosophers speak of knowledge as a fundamental ontological structure [14, p. 14]. While first economists talked about knowledge as one of numerous sectors of economic activity, recently researchers have named a certain type of economy by this term (Makarov, 2003). The earliest sociologists studied social prerequisites of knowledge, and in recent years researchers have realized the actual immensity of this phenomenon, changed the subject of cognition, discovered and started to study the ‘knowledge-based society’ [32, pp. 3–13; 41, pp. 25–43].

Legal theory was not left aside, either. Legal scholars have noticed that not only in legal theory but also in law making and law enforcement, legal rules, proceedings, events, and facts much inevitably depends on the presence or absence of knowledge as well as the quality and quantity thereof. It is especially true for legal thought that, aside from numerous traditional aims it has, is now engaged in a new activity called ‘knowledge production’. The features that distinguish this activity from other legal thought aims are intellectual sophistication, technical rigor, methodological scrupulosity, and theoretical conversance, and above all the final target that is to produce definite, enduring, and, if at all possible, unassailable knowledge.

Evaluating the state of the art in research of the topic, experts use the term from the theory of financial crisis and talk about an increasing ‘knowledge bubble’. The conditions of pervasive relativism raise a number of questions. Is it actually a good time for knowledge production now? Is it actually the right time to search for apodictic certainty today? Can we rely on well-developed methodological tools of the past? Or, as Schlag questions, in this period of pervasive and unending

социальные и экономические события значительно опережают наши интеллектуальные усилия по их осмыслению, а выработка какой-либо стратегии по производству знаний кажется неуместной, нужно ли заниматься чем-то более близким к противоположному – а именно экспериментированием и творчеством? [67].

Из-за пренебрежения к эпистемологической теме немногие задаются поставленными вопросами, не все учитывают специфику т. н. нового занятия. Как следствие, продолжает Пьер Шлаг, большая часть усилий по производству знаний не касается сопровождающих этот процесс издержек, а его авторы лишь смутно осознают реальные вызовы. Вместо этого возникшие проблемы обычно обходят, чтобы продолжить работу с предприятием по «производству знаний». В итоге неспособность решить трудности препятствует производству знаний в области права в самом глубоком и подлинном смысле этого слова.

Наряду с критическими оценками появились ответные реакции и примеры восприятия, например, судопроизводства как эпистемологического события. Основанием для формирования гносеологического взгляда на процессы правоприменения послужило обнаружение того, что сначала мы хотим, как справедливо отметил Майкл С. Пардо, чтобы судьи познали причины и обстоятельства происшествия, затем стремимся понять, что судьи узнали в результате разбирательства. Далее выясняем обстоятельства, при которых суд получил соответствующее знание, и условия, на которых ему был обеспечен доступ к этому знанию [60].

Также специалисты обратили внимание на то, что сама по себе истина не является конечным результатом и самодостаточным условием правоприменительного процесса. Право должно полагаться только на ту истину, которая основана на знании и является его продуктом. Если право опирается на любую истину, то оно становится зависимым от так называемых случайных или ложных истин и, как следствие, само преобразуется в явление спорадического порядка. Из этого делают производные выводы о справедливости как основополагающей цели и ценности права, которая достигается путем принятия не только верного, но и выверенного через познавательные процедуры решения. В итоге заключают: знание – это то, в чем нуж-

даются справедливость и справедливая правовая система; обоснована позиция И. Бентама о справедливости, требующая не только справедливых законов и справедливого применения этих законов, но и установленной на основании знания объективной и фактической истины.

При этом нельзя не заметить, что эпистемология права развивается в основном по направлению процессуального права. Взаимодействие между эпистемологией и доказательственным правом не ново. Связь между двумя областями имеет давнюю историю [42; 51]¹. Введение в теорию процессуального права категории знания дало результаты. Начали пересматриваться стандарты доказательств и целый ряд положений, считавшихся до сих пор аксиоматическими. Имплементация знания как явления, во многом противоположного случайному и поверхностному, привела ученых к заключению, что «состязательная система доказывания, – как пишет Сьюзен Хаак, – является эпистемологически плохим способом определения истины» [52]. Из-за открытия для себя онтологически свойственного знанию стремления к полноте ученые начали переоценивать правила, исключаящие целые классы доказательств по причине их предполагаемой ненадежности. Выявили, что подобного рода правила нарушают основные эпистемологические максимы, требующие рассмотрения всех доказательств. Наступило понимание, отмечает Фредерик Шауэр, что, хотя отдельные доказательства мо-

¹ В рамках этой взаимосвязи изучаются, как правило, современные концептуальные проблемы в эпистемологии и то, как они пересекаются, объясняют и проясняют концептуальные проблемы в законе о доказательствах. В одних исследованиях защищается позиция о познании доказательств с точки зрения натурализованной эпистемологии, отличающейся, как считают юристы, эмпирической адекватностью и способностью генерировать истинную методологию. Высказываются мнения, что натурализованная эпистемология обеспечивает прочную основу для исследований в области природы доказательств и противостоит, по мнению Рональда Дж. Аллена и Брайана Лейтера, непродуктивным увлечениям постмодернистскими концепциями знания и истины (см.: Allen, Ronald Jay and Leiter, Brian, *Naturalized Epistemology and the Law of Evidence*. Available at SSRN: <https://ssrn.com/abstract=293732> or <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.293732>). В других работах оспаривается влиятельное положение натурализации, требующей работу над традиционными проблемами философии права заменить социологическими или психологическими объяснениями того, как судьи решают дела (См.: Greenberg, Mark, *Naturalism in Epistemology and the Philosophy of Law* (May 20, 2011). *Law and Philosophy*, 2011, UCLA School of Law Research Paper No. 07-17, Available at SSRN: <https://ssrn.com/abstract=987523>).

stream of information, when cultural, social, and economic events vastly outpace our intellectual efforts to comprehend those and when the knowledge production strategy seems inept, should not we consider doing something closer to the opposite, namely, activities aimed at experimentation and creativity? [67].

As the epistemological topic is often treated with disrespect, very few researchers actually raise the questions mentioned above. Not all scholars take into account specificity of the so-called new knowledge. As a result, Schlag continues, most knowledge production efforts do not consider the cost of the process and their authors are dimly aware of actual challenges. Instead, these difficulties are usually bypassed in order to get on with the ‘knowledge production’ enterprise. Eventually, the failure to address these difficulties impedes with knowledge production in law in the deepest sense of the term.

Besides critical remarks, there have been some response and researches that, for example, viewed the trial as an epistemological event. The argument for such gnoseological approach to legal proceedings is that first, we want jurors, as Pardo justly notes, to know the causes and circumstances of an act of crime. Then we try to understand what jurors have learnt during the trial. Further, we try to clarify the circumstances when the court learnt it and the conditions that provided access to that knowledge [60].

Experts have also noticed that in and of itself, truth is not the ultimate result, neither is it a self-sufficient condition for a legal proceeding. Law must rely only on the truth that is based on knowledge and is a product of knowledge. When law bases on any truth, law becomes dependent on so-called accidental or false truths and turns into a sporadic phenomenon itself. This leads to the conclusion that justice is the overarching aim and value achieved through decisions that are both correct and justified by cognitive procedures. Finally, they conclude that knowledge is the very possibility that justice and just legal system require. It only proves Jeremy Bentham’s point of view that justice re-

quires not only just laws and just administration of these laws but also objective factual truth established through knowledge.

With that being said, we cannot fail to notice that epistemology of law has been developing primarily in the direction of procedural law. The interaction between epistemological theory and law of evidence is not completely novel. The relationship between these two fields has a long history [42; 51]¹. Introduction of the ‘knowledge’ category to the theory of procedural law yielded results. Standards of evidence and quite a number of provisions that used to be seen as axiomatical were reviewed. Implementation of knowledge as a phenomenon that is in many ways opposite to anything accidental and superficial led scientists to discovery that, as Haack wrote, ‘an adversarial system (of evidence) is an epistemologically poor way of determining the truth’ [52]. Having discovered the ontologically intrinsic feature of knowledge, strive for completion, scientists started to overestimate the rules that exclude entire classes of evidence for alleged unreliability. It was however proved that these rules violate basic epistemological maxims mandating that all relevant evidence be considered. It became clear, as Schauer notes, that although particular pieces of evidence might be excluded as

¹ The scope of research on this issue usually covers contemporary conceptual problems in epistemology and the way they intersect as well as how they explain and specify conceptual problems in the law of evidence. Some researchers defend the theoretical framework for evidence scholarship from the perspective of naturalized epistemology as it excels, as lawyers believe, at the empirical adequacy of its theories and the truth-generating capacity of its methodologies. It is argued that naturalized epistemology provides a firm conceptual foundation for research in law of evidence and, according to Ronald and Leiter, opposes unproductive fascination with ‘postmodern’ conceptions of knowledge and truth (see: Allen R. J., Leiter B. *Naturalized Epistemology and the Law of Evidence*. Available at: <https://ssrn.com/abstract=293732> or <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.293732>). Other researchers challenge the influential understanding of naturalization, according to which work on traditional problems in philosophy of law should be replaced with sociological or psychological explanations of how judges decide cases (see: Greenberg M. *Naturalism in Epistemology and the Philosophy of Law* (May 20, 2011). *Law and Philosophy*. 2011. *UCLA School of Law Research Paper No. 07-17*. Available at: <https://ssrn.com/abstract=987523>).

гут быть исключены как ненадежные, они служат тем же целям, что и правильные доказательства [65].

К материальному праву, также нуждающемуся в верной и выверенной истине, эпистемологический взгляд подбирается менее активно. В свет вышло незначительное количество работ, в которых отмечается, что для выявления и определения, в частности, реально нуждающихся в охране ценностей право нуждается не только в приказании, но и в знании. В них же подчеркивается сложность получения соответствующего знания. Поскольку по логике уголовного права защищать какое-либо благо фактически означает наказывать за посягательства на него, то у инициатив по их охране всегда имеются оппоненты, предлагающие не менее убедительное знание, обосновывающее альтернативную или прямо противоположную позицию.

В связи с этим особую значимость приобретает эпистемология, позволяющая выявить обе позиции, определить их исходные данные и конечные цели, сопоставить с разрешаемой в реальной жизни криминальной ситуацией, т.е. верифицировать данные позиции и дать заключение о достоверности и применимости предложенного ими уголовно-правового решения. Выяснить, в итоге, как стало возможным получение взаимоисключающего знания, не допущены ли на пути его формирования ошибки, искажения или злоупотребления, не стали ли субъекты этого знания заложником одной из патологии, традиционно сопровождающих, как отметил Пьер Шлаг, исследователей права.

Один вид патологии ученый назвал «дисциплинарным садизмом», символизирующим несовершенство средств познания и их непригодность к объектам исследования, в результате чего они деформируют или искажают последний. Второй вид именовал «дисциплинарным мазохизмом», обозначающим уступчивость познавательного подхода объекту исследования. Когда процесс изучения не завоевывает объект своего интереса, а покоряется ему. Например, попадает под влияние авторитета правового института, заочно признавая его структуру полноценной, а деятельность – совершенной. Но не исключена и еще одна патология. Возможность дисциплинарного садома-

зохизма, т. е. вероятность двукратно искаженного взгляда на объект [67].

Сложнее обстановка с отечественным правоведением. В его пределах в основном наблюдается рефлексия над знанием в ее живом, эмоциональном, еще не рационализированном виде. То есть активно идут отсылки к знанию, но сосредоточения вокруг него не происходит. Правоведы нередко указывают на неудовлетворительное состояние знания, когда говорят о предпосылках стагнации права. Д. А. Керимов, в частности, высказался о кризисе российского правоведения и связал его, помимо прочих факторов, с бессмысленным оперированием «устаревшими знаниями» [15, с. 224]. В. Н. Кудрявцев подошел к вопросу шире и заявил о глубоком кризисе всего обществоведения. Призвал овладеть богатством «современного знания» и отойти от стереотипов, прежде всего на идейно-теоретическом и методологическом уровне. Уйти от догм и постулатов, оказавшихся ложными и односторонними. Для выхода из кризиса ученый считал необходимым изменить угол зрения на предмет исследования, избавиться от ограничений и деформаций, сохраняющих в этой плоскости [18, с. 237].

В качестве ответа на кризисные оценки А. Н. Савенков сосредоточился на исследовании философско-правового мышления, его влиянии на решение связанных с государством и правом мировоззренческих вопросов в период их трансформации [27, с. 9–93]. А. Г. Лисицын-Светланов выявил базисное значение онтологического и антропологического знания при изучении юридических явлений, определил сознательную деятельность личности и социальную среду как условия формирования философско-правовых теорий [19, с. 153–164].

В теоретических разработках конкретных отраслей права появилось упоминание о гносеологии и эпистемологии права. Но известные попытки напоминают собой пробу пера. По использованию терминов в различных контекстах можно судить о том, что отечественное правоведение далеко от целостного понимания существа знания и его значения для права. Оно не выходит за пределы узкой и тривиальной ассоциации знания исключительно с правоведением. Гносеологию и эпистемологию чаще сводят к проблемам методологии, т.е. связывают с дилеммами производного порядка. Дискутируют

unreliable, these pieces of evidence serve similar purposes to those served by valid evidence [65].

Substantive law that also requires objective justified truth adopts the epistemological view less intensively. The world has seen a limited number of researches establishing that in order to discover and determine, particularly, valuables to be protected, law needs both instruction and knowledge. The same researches underline how difficult it is to obtain this kind of knowledge. Whereas, according to the criminal law logic, protection of wealth factually means punishment for seizure, therefore, their protection initiatives will always have opponents proving alternative or opposite positions based on equally credible knowledge.

All of this puts special emphasis on epistemology as it allows one to view both positions, to define baseline facts and targets, and to match those to a criminal situation being resolved in actual life, i.e. to verify expressed positions and make a conclusion regarding reliability and eligibility of resolutions being offered. Epistemology explains how such conflicting knowledge originated, what mistakes, distortions, or abuses were made, clarifies whether individuals who originated that knowledge were exposed to one of two possible pathologies that traditionally accompany legal thinkers?

Schlag denoted one of the pathologies by the term ‘disciplinary sadism’, which describes a situation when a particular cognitive tool is so imperfect and poorly suited to the objects of inquiry that it deforms or distorts the latter. The other pathology, named ‘disciplinary masochism’, denotes a situation when a cognitive approach surrenders too much to the objects of inquiry, for example, falls under the influence of the authoritative legal institution, thus, acknowledging that such institution has a fully complete structure and operates perfectly. However, there may be one more pathology – the possibility of ‘disciplinary sadoma-

sochism’, i.e. the twice-distorted view of the object of inquiry [67].

The situation with Russian research is worse. Its scope mostly covers reflection over knowledge in its vivid, emotional, and unrationalized form. In other words, research intensively refers to knowledge but does not focus on it. Legal scholars rarely mention the unsatisfactory state of knowledge when they speak of prerequisites for law stagnation. In particular, Kerimov has expressed his opinion that Russian legal theory is in crisis and that the crisis is caused, among other reasons, by the void operation of ‘obsolete knowledge’ [15, p. 224]. Kudryavtsev has taken a wider approach to the issue and proclaimed a deep crisis of the entire social science. He encourages us to leave false and biased dogmas and postulates behind. The scientist believes that in order to overcome the crisis we need to change the angle of view on the research topic and break free from restrictions and deformations that still remain in this field [18, p. 237].

In response to crisis statements, Savenkov has focused on the philosophy-of-law reasoning and influence on the process of solving state- and law-related conceptual problems in the time of their transformation [27, p. 9–93]. Lisitsyn-Svetlanov has defined the base value of ontological and anthropological knowledge for studying legal phenomena and has recognized personal conscious activity and social environment as the essential condition for developing philosophy-of-law theories [19, p. 153–164].

Theoretical insights into specific branches of law start to mention gnoseology of law and epistemology of law. Nonetheless, major attempts at doing so look more like an experimental try. Through analyzing particular examples of how these terms are used in different contexts, we may see that Russian legal thought is far from a holistic comprehension of the essence of knowledge and importance of knowledge for law. The current approach to the topic is limited to narrow and trivial association of knowledge exclusively to legal theory. Gnoseology and epistemology are mostly discussed when it comes to methodological issues, i.e. knowledge production dilemmas. Researchers

о теоретическом и практическом вариантах познания права. Переход в более широкую плоскость, где не знание рассматривается в составе и на фоне права, а право оценивается на фоне знания как более глубоко укоренного в бытии феномена, не совершается.

Таким образом, как видно из небольшого обзора, эпистемология стала предметом дискуссии среди юристов. Прослеживается, что наука о праве заглядывает в ее пределы. В связи с этим правоведы степенно начали приходят к убеждению, что только на правильных онтологических, эпистемологических и аксиологических основаниях возможно построение всеобъемлющей теории права. Выявление сущности права невозможно исключительно за счет онтологического и аксиологического выбора. Необходимо еще эпистемологическое решение, обеспечивающее их коррелятивность и непротиворечивость. Специалисты проследили, что, например, онтологический выбор между монистическим материализмом и дуалистическим эйдетическим реализмом обычно влечет за собой использование в познании права одной из двух исследовательских программ, либо атомистическую эпистемологию, предусматривающую рассмотрение реальности через ее разложение на дискретные элементы, либо эпистемологическую целостность, изучающую реальность как целое. В свою очередь, эпистемологический и онтологический выбор, как отмечает Эрик Энгл, также обычно влечет за собой аксиологию либо морального скептицизма и, следовательно, релятивизма (мораль как интеллектуальная конструкция не имеет материального существования), либо когнитивизма (мораль как выражение интеллекта-это реальные сущности)» [47].

Формы бытия: история становления и освоения

Вместе с тем просматривается и то, что на более близкое расстояние к знанию наука право не подводит. Тем более не совершает попыток к рассмотрению знания в качестве формы бытия, о чем заявляет и ведет речь философия. Наука не переводит правоведение на новый уровень, поскольку в ней не наступило понимание того, что знание, как высказался К. Эмерих, «...полагает себя как бытие, а бытие исполняет себя как знание», что «знание, как от-

мечал Ж.-П. Сартр, пронизывает нас насквозь и определяет наше место...» [28, с. 13]. Скрепляющая правоведение мировоззренческая традиция не готова к появлению в поле права более масштабного и глобального, чем само право, явления бытийного порядка. Из-за этого не картина права составляется по логике и правилам самого знания, всегда подчиненным полноте как условию истинности и достоверности, а знание продолжает складываться и раскладываться по канонам и стереотипам права.

Несмотря на неспешность правоведов, благодаря усилиям философов знание стало определяться как форма и сфера реализации человеческого бытия. Знание в этом качестве поставлено ими в один ряд с чувством и волей, также являющимися основными формами бытия. Как отмечал Вл. Соловьев, знание воплощает одну из трех основных форм бытия, служит образующим началом общечеловеческой жизни, поскольку имеет своим предметом объективную истину [29, с. 187]. Безусловно, здесь не идет речь о появлении некой новой формы. Знание всегда имело место, никуда не утрачивалось и внезапно не появлялось. Другое дело, что каждая форма в понимании человека эволюционировала и объективировалась по-своему. Знание здесь не исключение. Как форма бытия оно долгое время находилось в тени сознания и не заявляло о себе во вновь выявленном статусе. Тогда знание отождествлялось с другими формами и, в итоге, не оценивалось в некоем самостоятельном и, тем более, в современном качестве, когда оно трансформировалось из неприметной формы в конкурирующий, а в некоторых сферах жизнедеятельности – уже в доминирующий и определяющий формат.

Поскольку процесс генезиса названных форм бытия зависел в основном от состояния коллективного сознания и его предпочтений, то их становление осуществлялось не синхронно и не равномерно. В силу предрасположенности познания человека к продвижению по пути наименьшего сопротивления, покорения наиболее простого и очевидного, то первоначально homo sapiens «ухватился» за то, что не требовало поиска и само заявляло о себе, – за чувство. Свойственные ему наглядность, осязательность и повсеместность подтолкнули к восприятию чувства в качестве вездесущего и единственно

mostly debate over theoretical or practical variants of legal theory interpretations and never proceed to a higher level when law is being viewed in relation to knowledge as a more profound phenomenon instead of viewing knowledge as an element of law or in relation to law.

Thus, as our brief overview demonstrates, epistemology has become the matter of inquiry of lawyers. It is observed that jurisprudence is extending its boundaries. In this regard, legal thinkers are gradually approaching to the belief that it is possible to found a comprehensive theory of law only upon correct ontological, epistemological and axiological bases. It is impossible to define the essence of law solely through ontological or axiological choices. Epistemological approach that would ensure correlativity and coherence of these choices is essential here. Experts have deduced that, for example, the ontological choice between monistic materialism or dualist eidetic realism usually entails the use of one of two research programs, either atomistic epistemology that comprehends reality by decomposing it into discrete elements, or an epistemological wholism that examines reality as a whole. In their turn, epistemological and ontological choices, as Engle notes, also ‘entail either an axiology of moral skepticism and thus relativism (morals as intellectual constructs have no material existence) or of cognitivism (morals as expressions of the intellect are real entities)’ [47].

Forms of Being: History of Development and Comprehension

However, it is apparent that science does not bring law any closer to knowledge. Neither does science attempt to view knowledge as a form of being as philosophy does. Science does not take legal theory to the new level because it is unaware of the idea that knowing, as Coreth Emerich puts it, ‘... posits itself as being, and the being carries itself out as knowing’ and ‘knowledge pierces us

through and through; it situates us before dissolving us’ [28, p. 13]. The worldview tradition that binds legal theory is not ready to accept a more monumental and global phenomenon other than law itself. This creates a situation when knowledge bases on canons and stereotypes of law, whereas it is the law that should be based on knowledge, rules, and logics that bend to completeness as the indicator of truth and validity.

Unlike imprompt legal thinkers, philosophers have made successful efforts to define knowledge as a form and area for actualization of human existence. In this meaning knowledge equates to sense and will as principal forms of being. As Soloviev has noted, knowledge is one of three principal forms of being and serves as a constitutive as it has objective truth as the subject of inquiry [29, p. 187]. Definitely, we do not speak of a novel form here. Knowledge has always been present, it has never disappeared or appeared. However, each form of being has evolved and objectified in its own way in the understanding of man. Knowledge is not an exception. As a form of being, Knowledge was for a long time in the shadow of consciousness and did not assert itself known in the newly revealed status, especially in the modern quality, when transformed into the dominant format.

Since the genesis of the aforesaid forms of being primarily depended on collective consciousness and preferences, their development was neither synchronous nor equable. Human mind is inclined to move on the path of least resistance, so first it learns the simplest and most obvious things. In the beginning, Homo Sapiens ‘grasped’ what was not to be searched but clearly asserted itself – sense. Sense is vivid, clearly felt, and everywhere around, so it became a pervasive cause of all vital

руководящего начала всей жизнедеятельности. Через обострение чувств индивид делал выводы о наступлении определенных обстоятельств, а через удовлетворение этих чувств убеждался в их отступлении. Чувство, таким образом, являлось и исходным, и конечным источником знания, т.е. обеспечивало замкнутость и самодостаточность познавательного процесса.

Так возник эмпиризм, в т. ч. эмпиристские представления о праве, сторонники которого старались абсолютизировать чувственное восприятие и свести к нему все знание, доказать, что содержащаяся в теоретических разработках информация не выходит за пределы предоставленных чувственным опытом сведений. В Средние века А. Августин и другие схоласты усомнились в опыте как источнике знания и попытались обозначить его принадлежность к разуму. Но сначала Ф. Аквинский высказался о рецептивном происхождении знания и необходимости уравновешенного подхода к разумному и чувственному уровням знания, а затем Ф. Бэкон, Дж. Локк, Т. Гоббс, Дж. Беркли и Д. Юм постарались устранить все сомнения в превосходстве чувственного познания и в опыте как его единственно надежном источнике.

Однако представители эпохи Просвещения оказались более настойчивыми и непреклонными. Результаты осмысления эпистемологических процессов привели их к твердому пониманию, по признанию И. Канта, что, «хотя всякое наше знание начинается с опыта, отсюда не следует, что оно целиком происходит из опыта» [13, с. 77]. Они убедились, что человеческое познание далеко не во всем редуцируется чувством. Его особенность состоит в способности извлекать из эмпирического опыта больше данных, чем в нем содержится. В силу этого все эмпиристские программы обоснования оказываются нереализуемыми. В итоге абсолютские настроения начали меняться. Мыслителей-эмпириков стали называть носителями рабского сознания, довольствующегося только тем, что оно способно выпить из чаши природы. Тот же Ф. Бэкон, по свидетельству Л. Фейербаха, подобно Декарту потребовал «в качестве неперемennого условия познания полного отрицания ранее составленных мнений и сомнения в непосредственном свидетельстве чувств» [34, с. 325]. Критика идеалистов, конечно, не доби- лась устранения чувства из состава централь-

ных элементов структуры бытия, но отрезвила и привела к рассмотрению ощущения как простейшего и исходного элемента чувственного познания и человеческого сознания вообще. Как отмечал Гегель, «...чувство, ощущение представляют собой не самое лучшее, не самое истинное, а самое незначительное, наиболее неистинное...» [8, с. 114].

В те же просветительские времена философская рефлексия вывела в свет категорию воли, представления о которой начали развиваться еще в древние времена, параллельно чувству и преимущественно в составе знания о самом чувстве. На первом этапе воля не имела онтологической коннотации и терминологический эквивалент, а воспринималась в основном как элемент или эксцесс чувства. То есть как нечто, что не укладывалось в правило о тотальной обусловленности бытия чувством, в связи с чем либо не замечалось, либо относилось к очередному проявлению чувства, или выводилось из его состава и причислялось к исключениям из него.

В античную эпоху присутствие воли в мире человека улавливалось в основном на интуитивном уровне, а попытки сформировать дефиницию о ней шли по единственному и хорошо известному на тот момент пути познания, т. е., как подсказывает Гегель, через осмысление представлений о воле, различных ощущений и явлений обычного сознания, таких как раскаяние, вина и т. п. [7, с. 64]. Эволюция общественного сознания и гуманитарного знания в то время только подводила к пониманию, что помимо чувств человек руководим еще разумом или, по Платону, собственным душевным стремлением. Оно задает в индивиде, как отмечал Аристотель, самостоятельную специфическую причинность, независимую от интеллектуальной сферы и области аффектов. В этой причинности происходит взаимодействие разума и стремления, а практическим результатом их синтеза становится воля, символизирующая возникновение в человеке цели и ее переход вместе с ним из чисто потенциального в практическое состояние, трансформацию из интеллектуального акта в акт целеполагания.

На большее в познании и признании воли философия тех лет была не готова. Можно сказать, что гуманитарная мысль ощущала присутствие воли, но еще не нашла ей места в струк-

activities. When senses sharpened, an individual knew certain circumstances appeared and when senses were satisfied an individual knew it was over. Thus, sense became both initial and end source of knowledge, making the cognitive process complete and all-sufficient.

That was when empiricism, including empiristic concepts of law, appeared. Empiricism adherers tried to absolutize sensory perception and limit all knowledge thereto, i.e. to prove that all data contained in theoretical developments could be discovered through sense experience. In the Middle Ages, Augustine and other scholastics started to doubt that sensory perception was the correct source of knowledge and tried to refer knowledge to reasoning. However, Thomas Aquinas made a point about the receptive origin of knowledge and the need in a balanced approach to rational and sense levels of knowing. After him, Francis Bacon, John Locke, Thomas Hobbes, George Berkeley, and David Hume tried to eliminate all doubts and prove that sensory perception and experience were the only reliable source of knowledge.

However, in the Age of Enlightenment scholars were more persistent and principled. Based on their research into epistemological processes, they firmly concluded that, as Immanuel Kant said, even though our knowledge is based on experience, 'experience is by no means the only field to which our understanding can be confined' [13, с. 77]. Enlighteners discovered that not all aspects of our understanding are produced by feeling. Cognition may learn even more from empirical evidence than the latter actually provides. Thus, all empiristic substantiations turn out to be unrealizable. That changed absolutistic spirits. Empiricists were said to have the 'servility' reason as they were satisfied with the very little of what they could actually 'drink out of the nature cup'. Even Francis Bacon, as Ludwig Feuerbach testified, had declared that it was necessary to refuse from previ-

ous concepts and doubt the reliability of sense evidence. Of course, the critique of idealists did not exclude feeling as one of core elements of being. However, it helped scholars to become sober and start to view sensation as the most primitive element of sense knowledge and human consciousness in general. As Hegel said, 'feeling or sensation is far from being the highest truth, it is the most unimportant and untrue' [8, p. 114].

It was the Age of Enlightenment when philosophy also introduced the category of will. The concept of will started to develop in the ancient times in parallel to the concept of feeling and primarily within the framework of knowledge about feeling. At the first stage, the concept of will had no ontological connotations or terminological equivalents and was perceived mostly as an element of or excess of feeling, i.e. something that did not fit the rule of existence being totally dependent on sense. Whereupon, will was either left unnoticed or referred to a regular expression of feeling, or viewed as exclusion.

During the Ancient Greek period will was mostly felt intuitively in the man world, and all attempts to develop a definition of will were based on the sole and famous path of knowing, i.e. as Hegel prompted, through analyzing beliefs about will, sensations, and mental phenomena such as repentance, guilt, etc. [7, с. 64]. In those times collective consciousness and humanities were only approaching to understanding that besides feelings, man also followed his mind or, as Plato put it, his own mental aspiration. The aspiration, as Aristotle noted, creates a specific individual cause of human behavior irrespective of intellectual efforts or passion. Within this causation, mind and aspiration interact, and Will becomes a practical outcome of their interaction and synthesis. Will symbolizes the origin of purpose in the human mind and transfer from a purely potential state to practical implementation, i.e. transformation of an intellectual act into an act of goal-setting.

Philosophy of those times was not capable of better understanding or acknowledgment of Will.

туре бытия и не готова была к встраиванию воли в действующую парадигму мировосприятия. Дополнительную роль в таком положении дел играло то, что в отличие от других субъектов социальной жизни (общества и государства) представления о человеке, с которым неразрывно связана воля, были слабо развиты. В качестве подтверждения здесь можно привести реакцию А. Ф. Лосева, удивлявшегося присутствию стоикам чувству «... чрезвычайной слабости человеческой личности, ее полного ничтожества, ее безвыходности, ее неимоверной покорности судьбе» [20, с. 365].

Далее благодаря усилиям Плотина и других мыслителей состоялись онтологизация воли и, в итоге, ее эмансипация, т. е. обретение волей некоторой самостоятельности по отношению к разуму и аффекту. На первом этапе зафиксировали присущий воле динамический момент, отделили ее от чувства и сохранили паритет с разумом. В оборот вошел тезис Спинозы о воле, указывающий на ее тождественность с разумом [31, с. 447]. На втором этапе имело место появление «метафизики воли». Основанием для наступления этой стадии стало обнаружение в анатомии воли направленности во внутрь человека. Ее выявление привело к пониманию под волей интенции ума быть постоянно обращенным к себе и понуждать к действию.

Таким образом, акцент на волю в эпоху Просвещения был сделан не случайно. Ее выведению из тени чувства предшествовало сначала возвеличивание значения этого феномена до уровня всего бытия, а затем длительное и трудоемкое погашение гипертрофированного отношения к нему и занятие чувством своего подлинного места в жизни человека. Прохождение аналогичной траектории и обретение схожей участи ожидало категорию «воли».

Поначалу развитие представлений о воле набирало вес и теснило чувство в структуре бытия и общественном сознании. Затем с подачи А. Шопенгауэра, И. Канта, И. Фихте, Ф. Шеллинга и других в категории воли начали отыскивать сущность бытия в целом и права в частности. Проблему воли причислили к одной из важнейших проблем правовой философии и отнесли к ключевому источнику, формирующему правовые реалии. С этого момента и в названном качестве она прошла в трудах мыс-

лителей путь от «разумной в себе и для себя всеобщей воли» Гегеля [6, с. 67] до «мировой воли» А. Шопенгауэра [40], где она представляет собой главную силу мира, стоящую над всеми структурами и сферами жизни, в т.ч. над разумом. Она порождает все вещи и процессы. Далее воля продолжила путь от воли «господствующего класса» и общенародной воли к воле социальной. Затем взгляды на волю начали корректировать и отступать от абсолютизации ее значения в составе бытия. Осознавать и признавать, что воля в значении Гегеля и Шопенгауэра есть ядро далеко не каждого индивида, а только того, кто устремлен к сверхчеловеку Ф. Ницше. Люди в абсолютном большинстве слишком подвластны текущему моменту и не в силах «пренебречь удовольствием», «...преодолеть естественную человеческую тенденцию идти на поводу у происходящих событий» [10, с. 425]. Они не то что воли не имеют, у них часто отсутствуют и более элементарные качества. Как отмечал Р. Грин, далеко не каждый обладает точным осознанием собственной цели [10, с. 423, 424]. «Они становятся рабами своих желаний и того воображаемого будущего, о каком они мечтали для себя. Их планы расплывчаты, основаны на их фантазии, а не на реальности» [10, с. 425].

Попытки постижения воли и уточнения ее положения в системе социального бытия предпринимаются исследователями по сей день. Многообразие концепций и разрозненность взглядов подтверждает обоснованность высказывания А. Р. Лурия о том, что «история изучения воли является историей заблуждений, а инвентарь современных психологических представлений о воле – грандиозным кладбищем ошибок, неясно поставленных проблем и свидетельством легкомыслия исследователей» [21, с. 476].

Формы права: чувство и воля

Небольшой и весьма схематичный экскурс в историю форм человеческого бытия имел целью продемонстрировать, что с теми или иными отклонениями, но по аналогичным траекториям прошла мысль о праве. Вслед за объективацией в научно-практическом сознании названных форм в такой же последовательности зарождались соответствующие им теоретические концепции права. Поначалу появилась и

We may say that Humanities felt the presence of Will but could not find a place for it in the structure of being, nor was it ready to embed Will into its world perception. Additionally, unlike other actors of social life, society or state, man of will was a poorly developed concept. As a proof, we may refer to Losev's remark when he was surprised by Stoics feeling of '...man's extreme weakness, misery, hopelessness, and resignation to fate' [20, p. 365].

Further, owing to Plotin and other thinkers, Will was ontologized and ultimately emancipated. In other words, Will acquired some independence from intelligence or passion. At the first stage, dynamics of Will was recorded; Will was distinguished from feeling but kept parity to mind. Spinoza introduced his thesis of Will and identified Will as reason [31, p. 447]. At the second stage, metaphysics of Will was developed. The argument for that was the discovery of the interior focus of Will. Thus, Will was defined as an intention of mind to be constantly referring inside itself and prompting human to act.

Therefore, the emphasis on Will was made in the era of Enlightenment for good reason. The removal of knowledge from the shadow was preceded by the exaltation of the meaning of Feeling to the level of all being and then by a long and laborious extinction of the hypertrophied attitude to it and bringing Feeling to the place where it should be in the human life. The passage of a similar trajectory awaited the category of Will.

In the beginning, research of Will gained weight and pushed aside Feeling in the structure of being and collective consciousness. Later, Schopenhauer, Kant, Fichte, Schelling, and others started to seek the essence of being in general and the essence of law in particular in will. Will was regarded as one of the most important issues of philosophy of law and the key source of legal reali-

ties. From that moment on and in that very quality Will had made its way from 'universal reasonable will' [6, p. 67] to the 'world as will' in writings by Schopenhauer [40], who viewed it as the main force of the world that stands above all structures and spheres of life including reason. According to Schopenhauer, Will labors all things and processes. Further, Will continued its path from the will of the 'ruling class' and public will to social will. After that, views on Will began to adjust and retreat from its absolutization. It became clear that the kind of will Hegel and Schopenhauer wrote about is not the core of all individuals but only Nietzsche's Superhuman. The absolute majority of people are too dependent on the moment and cannot refuse from pleasure and overcome the natural human tendency to follow events or act under circumstances [10, p. 425]. These people do not have basic personality traits to say nothing of will. As Grin notes, not everybody can understand their own goals [10, p. 423, 424]. 'They (people) become the slaves of their desires and of the image of the would-be future they dream of. Their plans are unclear and based on their fantasy but not reality' [10, p. 425].

Attempts to understand the concept of Will and define its position in the structure of social being are still relevant. The variety of concepts and diversity of opinions on the matter prove Luria's statement that 'the history of Will research is the history of fallacy, and the tools used by modern psychological concepts of Will are a grandiose graveyard of mistakes, indefinite issues, and witness of researcher frivolity' [21, c. 476].

Forms of Law: Sense and Will

This brief and rather sketchy insight into research on forms of being has a purpose to demonstrate that the legal thought had either way passed a similar trajectory. Objectivation of aforesaid forms of being in academics and research has been

завоевала серьезные позиции эмпирическая школа права. Позже сформировалась волевая теория права.

На примере судьбы волевой теории можно проследить, что она сформировалась на фоне провозглашения философией воли сущность бытия. Ф.-К. Савиньи один из первых к субъектам права отнес людей как носителей свободной воли. Его ученик и последователь Б. Виндшейд под субъективным правом предложил понимать волю – предоставленную юридическим порядком власть и господство [5]. Тогда же было объявлено, что «по смыслу волевой теории сущность права, как объективного, так и субъективного, сводится к воле. Правовые нормы служат выражением воли того народа или общества, в котором существуют; правомочие же есть та сфера, в которой господствует индивидуальная воля, защищенная нормами объективного права» [33, с. 381].

Затем последовала коррекция взглядов, в определенной мере отступ и признание того, что волевая теория имеет несовершенный характер. Известна, например, критика Иеринга, попытавшегося по ряду недостатков волевой теории доказать ее негодность, а взамен воли предложить интерес лица как сущность правомочия. «Право существует, – утверждал ученый, – не для того, чтобы осуществить идею абстрактной “правовой воли”, а для того, чтобы служить интересам, потребностям, целям оборота» [57, с. 338]. «Права, – дополнял он, – суть юридически защищенные интересы» [57, с. 351].

Позже одни ученые отнесли Иеринга к продолжателям волевой теории, а другие заключили, что «теория интересов, предложенная Иерингом, также не основательна, как и опровергнутая им волевая теория права» [33, с. 381]. Оппоненты заметили и то, что волевая теория появилась в эпоху промышленного капитализма и пригодна только для этого конкретного социально-экономического уклада. «Утверждаемый ею принцип свободы индивидуальных действий в известных законом установленных пределах был вполне приемлемым, – писал О. С. Иоффе, – для господствующего класса уже постольку, поскольку он соответствовал экономическому принципу развития капиталистического общества в этот период» [12, с. 9]. На базе критики волевой теории и теории интереса возникли такие их разновидности, как тео-

рия власти [25, с. 73; 37, с. 605; 46, с. 58; 64, с. 372–374], теория власти и интереса [43, с. 40; 62, с. 75], воли и интереса [44, с. 365; 55, с. 265], силы и интереса [24, с. 53], теория блага [45, с. 85] и т. д.

Дискуссия между сторонниками эмпирических и волевых учений о праве на протяжении многих веков никогда не угасала и не теряла актуальности, составляя основу всей юридической мысли. Не завершена эта дискуссия и сегодня. Одни правоведы развивают положения о ключевой роли чувства в праве, о наличии в природе человека «чувства права», которое дано ему от рождения и, как любое другое человеческое чувство, действует в нем постоянно, изменяясь «...в течение всей жизни в зависимости от интеллектуального и эмоционального развития человека, его правового опыта». Под этим чувством предлагают понимать внутреннее эмоциональное и логически осмысленное состояние, позволяющее «...интуитивно ощущать и понимать суть и “правильность” правовых отношений, правовых процессов, происходящих в обществе, правовую природу государственного управления» [9, с. 254]. К специфической черте «чувства права» относят то, что оно «обусловлено не физиологическими потребностями человека (первичные жизненные потребности в пище, сне, размножении и т. д.), но социальными потребностями – сосуществования с другими людьми в семье, коллективе, обществе, в социальной справедливости, равенстве, в свободном волеизъявлении, в публичной власти и т.п.» [9, с. 255].

Другие отстаивают позицию воли и стоят на том, что «воля приводит в движение потребности, интересы, мотивы, идеи, цели, установки». «Без волевого усилия индивид не смог бы превратиться в субъекта правоотношения» [30, с. 258]. Третьи обращают внимание на существенный вклад современной психологии в понимание воли. Отмечают, что ее достижения ставят под сомнение основанные на старых школах ассоциации психической регуляции с общим понятием воли, когда сознательное действие представлялось как волевое действие, обнаруживают нетождественность психических и волевых процессов. С одной стороны, продолжают признавать, что воля представляет сознание. С другой стороны, здесь же уточняют, что она не исчерпывает его и не опосредует все

followed by the origin of relevant theoretical concepts of law. Empirical school of law was the first one to appear and receive much recognition. Later, the will theory of rights was developed.

If we refer to the will theory, we may see that it was formed in the period when philosophy declared will to be the essence of being. Friedrich Carl von Savigny was among the first to refer people to legal actors as bearers of free will. His follower Bernhard Windscheid suggested that we should view will as a legal right. That was also when it was declared that ‘in the context of the will theory, the essence of rights, either objective or subjective, is confined to will. Legal norms express will of a particular nation or society; legal power is where individual will protected by objective right reigns’ [33, с. 381].

After that, views were adjusted, and it was acknowledged that the will theory was imperfect. For example, Jhering tried to prove the failure of the will theory and offered individual interests as a better essence of legal powers compared to will. As the scientist confirmed, ‘the intent of law is not to implement the idea of abstract ‘legal will’ but to serve interests, needs, and goals of the turnover’ [57, p. 338]. He also added that ‘Rights are in fact legally protected interests’ [57, p. 351].

Some later concepts ascribed Jhering to successors of the will theory while others concluded that ‘the theory of interest offered by Jhering was as baseless as the theory he had [33, p. 381]. Opponents noted that the will theory appeared in the era of industrial capitalism and was applicable only for that particular socio-economic environment. ‘The principle of free individual actions established by the theory was appropriate for the ruling class to the extent that it corresponded to the economic principle of the capitalist society’s development in that period’, as Joffe wrote [12, p. 9]. As a result of the critique of the will theory and theory of interest, other concepts were created such as the

theory of power [25, p. 73; 37, p. 605; 46, p. 58; 64, pp. 372–374], the theory of power and interest [43, p. 40; 62, p. 75], the theory of force and interest [44, p. 365; 55, p. 265], the theory of weal [45, p. 85], and others.

Ultimately, the debate between empiristic theories and will theories of law has been going on throughout the ages and has become the basis of the legal thought in general. The discussion is not over now. There are legal scholars who support the idea of sense being the fundamental premise of law. They declare that there is the ‘sense of right’ human is born with. As any other human feeling, it changes throughout man’s life depending on his intellectual and emotional growth and legal experience. The sense of right is defined as an inner emotional and logically explained state of mind that allows to ‘intuitively feel and understand the contents and ‘rightness’ of legal relations, legal processes in the society, and legal nature of government administration [9, p. 254]. Specific feature of the ‘sense of right’ is that it is ‘directed not by physiological needs (primary instincts) but social needs such as co-existence with other people within a family, work group, society based on social justice, equal rights, expressed free will, public administration, etc.’ [9, p. 255].

Others insist that will is the fundamental premise and stand their ground that ‘Will drives needs, interests, motifs, ideas, goals, and attitudes’. ‘Without volitional efforts, an individual would never turn into an actor of legal relations’ [30, p. 258]. Some underline considerable contribution of modern psychology to understanding will. They note recent findings make us doubt that psychic regulation associates with the general definition of will as the old schools taught us, when a cognitive act was represented as a volitional effort. Modern psychologists have discovered that psychic processes are not the same as volitional processes. On the one hand,

производимые им процессы. Пределы воли не выходят за границы сознания. С гносеологической позиции выяснено, что ошибочная абсолютизация воли произошла в свое время из-за того, что волевые процессы стали первыми из психических явлений, ставших тщательным объектом исследования. Дополнительный вклад в части преувеличения значения воли внесло то, что ее научно-практическое обретение помогло найти отличие между детерминированной и индетерминированной составляющими поведения человека.

На основе отмеченных знаний некоторые правоведы сегодня пересматривают убеждения о воли как о некоем сверхрегуляторе и управленце поступками людей, единственном выразителе индивида во внешнем мире. Прославленная человеческая воля, как отмечал Г. В. Мальцев, не все может и не на все способна, чем «...обесценивает многие иллюзии и предрассудки нашего времени, особенно те, которые сложились давно под влиянием веры в могущество воли и духа человека» [23, с. 203]. Но дальше констатации факта переоценки воли юристы пока не продвинулись. Они не предложили варианты замещения того научно-познавательного пространства, которое высвобождается в результате сжатия представлений о воле. Ученый ограничился выводом о нахождении правоведения в двусмысленном положении. С одной стороны, он указал на то, что «волевые теории права в наше время устарели» и требуется снятие необоснованных преувеличений, касающихся «...границ человеческой воли, самого человека». С другой стороны, подчеркнул, что основания и поводы, заставлявшие «...юристов обращаться к воле в целях объяснения правовых феноменов не исчезли», так как «сегодня учение о воле пронизывает практически все этико-правовые проблемы и категории, от самого понятия социальной нормы, имеющей волевое происхождение, до теории социальной ответственности...» [23, с. 204]. С учетом такого положения дел юрист обратил внимание на то, что «этика и юриспруденция, возведенные на волевом фундаменте, едва ли переживут трансформацию» [23, с. 203].

В схожем положении оставил право Д. А. Керимов.

С одной стороны, ученый признал, что «двигательной силой сознательного действия –

безразлично индивидуального или общественного – является воля. Именно воля есть практический реализатор потребности, интереса, установки, цели. И поэтому ни потребности, ни интересы, ни установки, ни цель не составляют и составлять не могут сущности права по той причине, что являются в своей основе и характере пассивными формами сознания, в то время как воля, выраженная в праве, является активной, практической силой, призванной охранять, регулировать и преобразовывать общественные отношения. Именно воля как предметный, действенный, активный вид сознания, как соединение потребности, интереса, установки и цели с действием выступает творцом, ядром права, фактором его реализации» [15, с. 224].

С другой стороны, правовед признал, что действующие концепции воли не могут претендовать на всеохватывающий масштаб. За их пределами «...остается множество поведенческих актов и сопровождающих их психических состояний, имеющих весьма существенное значение, в особенности для правоведения и юридической практики» [15, с. 228]. Из них «...“ускользнуло” самое важное и наиболее сложное, а именно: процесс трансформации (“оборачиваемости”) переживаний в сферу или, как принято ныне выражаться, “правовой механизм” этого процесса. Этот тонкий “механизм” еще ждет своего тщательного исследования» [15, с. 228]. Современная социальная психология, вслед за ней и юридическая наука не раскрывают тайн преобразования в человеке психических процессов, их переход от разума к безумию и от безумия к разуму. Требуется «...более совершенная классификация поведенческих актов при том неперменном условии, что психологическая наука, и в частности социальная психология, обратит свои взоры на те психические переживания, о которых идет в данном случае речь». «Наступило время, – отмечал правовед, – формирования более широкого направления в комплексе наук о праве...» [15, с. 229]. Свои надежды он связал с появлением юридической психологии.

Кризис форм прав

Схожее положение дел наблюдается на уровне отраслей права, где оно в этом качестве не диагностировано. Основы современной теории уголовного права, например, сформирова-

they still admit that will represents consciousness. On the other hand, they say that will does not dep-lete consciousness and does not mediate all conscious processes. Boundaries of will do not go beyond the boundaries of consciousness. From the gnoseological point it is clear that the absolutization of will occurred because volitional processes were the first mental phenomena to be studied diligently. Another reason why the role of will was underestimated is that the academic discovery of will helped to differentiate between determined and undetermined aspects of human behavior.

Based on these facts, today’s legal thinkers are reviewing the idea of will being a super regulator of human actions and a sole means of individuality presentation in the external world. The famed human will, as Maltsev notes, is not all-mighty, which ‘...dismisses many illusions and prejudices of our time especially those that have been long ago formed under the belief in the mightiness of human will and spirit’ [23, p. 203]. However, lawyers did not move any further than merely stating the fact that the role of will has been overestimated. They did not offer anything in return. Maltsev simply concluded that the legal theory is now in the equivocal position. On the one hand, he pointed out that ‘will theories of law are out-of-date’ and there is a need to dispose of groundless overestimations about ‘boundaries of human will and human itself’. On the other hand, he underlined that grounds making ‘...lawyers refer to will in order to explain legal phenomena’ still exist as ‘today the doctrine of will intertwines with practically all issues and categories of legal ethics, starting from the definition of social norm to the theory of social responsibility...’ [23, p. 204]. Bearing these facts in mind, the lawyer drew our attention to the fact that ‘ethics and jurisprudence founded on will are very unlikely to survive their transformation’ [23, p. 204].

Kerimov has left law in a similar position.

On the one hand, the scientist admitted that ‘will is the driver of a cognitive act, either individ-

ual or social. This is will that allows to realize needs, interests, attitudes, and goals. Therefore, neither needs nor interests, nor attitudes, nor goals constitute or may possibly constitute the essence of law because they are passive forms of consciousness by their nature. Whereas will as it is expressed in law is an active and actual force designated to protect, regulate, and transform social relations. Being a substantive, effective and active form of consciousness, the link between needs, interests, attitudes, goals, and actions, will is the core of law and factor of law enforcement’ [15, p. 224].

On the other hand, the legal thinker admits that current concepts of will cannot possibly claim to be overarching. These concepts do not cover ‘a great number of behavioral acts and associated psychic states that play a crucial role, especially so for the legal theory and practice’ [15, p. 228]. They ‘have lost’ the most important and complicated aspect, namely, transformation (reversibility) of emotions into the sphere or, as it is commonly said today, ‘legal mechanism’ of the process. This delicate ‘mechanism’ still awaits diligent analysis’ [15, p. 228]. Modern social psychology and jurisprudence do not cast any light on the mystery of psychic processes in the human mind and their transfer from sanity to insanity and vice versa. There is a need in an ‘improved classification of behavioral acts provided that psychological science and social psychology in particular address to these psychic phenomena’. As the legal thinker notes, ‘Time has come for a broader concept in legal sciences’ [15, p. 229]. For that matter, he lays his hopes on legal psychology as a newly emerged discipline.

Crisis in the Forms of Law

Similar situation can be seen with the forms of law. For example, the basics of the modern theory of criminal law developed in the 18th – 19th centuries primarily on the basis of ‘classical’, ‘sociological’, and ‘anthropological’ schools. Today researchers seem to ignore this fact. It is believed

лись в V вв. преимущественно на базе «классической», «социологической» и «антропологической» школ. Сегодня это обстоятельство в источниках не отмечается. Считается, что с тех пор отрасль прошла в научно-практическом плане немалый путь и за этот период сформулировала те категории и понятия, которые приобрели свойства универсальности и максимальной обобщенности, в силу чего впредь не нуждаются в отнесении к какой-либо школе. Уверовав в достижение некоего теоретического универсума, специалисты стали широко издавать литературу с заголовками «Общая теория права», «Общее учение о государстве», «Общая теория квалификации преступлений» и т.д.

В действительности же никакой универсализации не было и не могло быть. Известно, что любая теория есть всегда теория определенного и ограниченного набора идей, основанного на конкретной логике их взаимоотношения. Несмотря на то что в науке уголовного права формально проходила борьба различных уголовно-правовых учений, на содержательном уровне неизменным оставалось и до сих пор остается то, что каждое из них получило «путевку в будущее» в период активного развития волевой теории права, став в итоге одним из ее конечных продуктов. Классическая школа права отстаивала подход по выведению норм права из воли законодателя, а сведения о причинах преступления и преступности предлагала черпать из знаний о свободной воле преступника. Социологическая школа возражала, упрекая «классический» подход в односторонности и в том, что он не учитывает существования в социуме «общего разума» и «коллективной воли», формируемых политическими, экономическими и другими условиями жизни общества. Последняя наряду с индивидуальной волей может являться как источником представлений о норме поведения, так и причиной преступления и преступности в целом. С учетом критики антропологического взгляда последователи классической школы занялись модификацией доктрины свободной воли, постепенно отступая от ее абсолютизации. В состав факторов, влияющих на состояние воли, попытались включить некоторые патологии: недееспособность, умственную неполноценность и преднамеренность.

Однако волевая теория стала не только символом и результатом изучения воли как объекта научно-практического исследования. Познание этого феномена глубоко отразилось на самой науке, что характерно для редких случаев и явлений бытийного масштаба. Можно уверенно говорить, что сама наука о праве сегодня представляет собой следствие познания воли. Она не ограничилась изучением воли и проработкой сценариев для указания на это явление в качестве правоучреждающего и правообразующего. Наука испытала на себе обратное влияние феномена воли. Несмотря на авторитетные мнения о сомнительности позиционирования воли в качестве определяющей право категории, правоведение впитало и на долгие времена задержало в себе составляющий волю терминологический тезаурус, изменив научное мировоззрение правоведов.

Поскольку самое общее, наиболее простое, очевидное и менее всего оспариваемое представление о воле связано со способностью человека к действию, то вместе с этим явлением правоведение получило семантическое насыщение множеством входящих в него значений, разбросанных по другим категориям. Каждое из них и все вместе они сообщают акцентируют внимание науки на динамическом моменте воли, передают «волевые» смыслы, демонстрируют момент выбора или «движения души», ее готовность чего-то лишиться или что-то приобрести, совершить поступок. По итогам науки о праве наряду с другими дисциплинами включили в состав поведенческих. К их предмету отнесли познание поведения человека в обществе 39, с. 400¹.

¹ Существенную роль для укрепления воли в праве и восприятия этой дисциплины в качестве поведенческой науки сыграли отличия между внешним законом и внутренним или государством и царством Божиим, которые стали проводиться в общественном сознании после его прощания с религиозным Средневековьем. Тогда, по свидетельству А. Шопенгауэра, теория пришла к выводам, что государство рассматривает каждого человека как лицо пассивное и обращает внимание только на поступки. «Государство имеет дело только с действием, - с тем, что совершается; только совершившееся имеет для него реальное значение. Думать об убийстве государство никому не может запретить; ибо для того чтобы воля не переходила к действию, есть у государства топоры и виселицы, против же мыслей и намерений оно бессильно» (*Шопенгауэр А. Изречения. Афоризмы житейской мудрости* / пер. с нем. Ф. Черниговцев, Р. Кресин. Минск: Харвест, 2011. С. 400).

that since those times, the concept of criminal law has come a long way in research and theory and has developed categories and terms that have become universal and at most generalized; therefore, there is no need to refer the discipline to any school at all. Having come to faith in a certain theoretical universum, scholars started to publish theses headed as 'General Theory of Law', 'General Concept of State', 'General Theory of Crime Classification', etc.

In fact, no universalization is possible or could ever be possible. It is well known that any theory is always a theory of a definite limited series of ideas bound by particular logics of their composition. Despite the fact that formally there was a struggle of different teachings in the theory of criminal law, it remains the case all those teachings 'gained a toehold' due to the intensively developing will theory of rights and eventually became the final product of the theory. The classical school of law argued that legal norms should be based on the will of the legislator while causes of a crime should be analyzed based on what we know about a criminal's free will. The sociological school reproached the 'classical' approach for being too biased and not considering such social phenomena as 'universal reason' and 'collective will' formed by political, economic, and other conditions of public life. Just as individual will, collective will may also be the source of behavioral norms as well as a cause of general or particular crime. The anthropological approach has modified the doctrine of free will and little by little receded from its absolutization. Scholars tried to include some pathologies, incapacities, mental disabilities, and deliberation in the list of factors influencing the state of will.

However, the will theory was not only a symbol or outcome of studying Will as an object of theoretical and practical inquiry. Acknowledgement of this phenomenon had a deeper effect on science in general, which is a rare case and usually involves phenomena of the existential order. It is obvious that today's science of law is a result of understanding the concept of will. Nonetheless, it is not confined to mere analysis of Will or scenarios of representing this phenomenon as law-enforcing or right-conferring. Science has experienced the reverse influence of the phenomenon of will. Despite authoritative opinions that will should not be viewed as the right-conferring category, the legal theory adopted the will terminological thesaurus and used it for centuries, which changed legal scholars' scientific perception of the world.

Since the most general, obvious and least disputable concept of will relates to human ability to act, besides the definition of will, the legal theory also acquired many terms and definitions from other concepts. These terms put emphasis on the dynamical aspect of will, convey 'volitional' meanings, and describe the moment of choice or 'spiritual movement' and willingness to refuse from something or to acquire something, i.e. to commit an action. In the end, legal science was referred to behavioral disciplines that studied the behavior and conduct of human in the society 39, c. 400]¹.

¹ Discrepancies between the external and internal laws, i.e. the state and the Kingdom of God, which became obvious after the Middle Ages, played an important role for consolidation of will in the legal theory and perception of legal theory as a science on behavior. As Schopenhauer said, it was the time of theoretical conclusions that the state treats all individuals as passive entities and pays attention only to our deeds. 'State deals only with an action or deed committed; only committed deeds matter to it. State cannot forbid to think of murder, for instance, but to restrain will from transferring into action the state has axes and gallows. State has no power against thoughts or intentions' (see: Schopenhauer A. *On the Wisdom of Life: Aphorisms*. Transl. from Germ. into Russian by F. Chernigovets and R. Kresin. Minsk: Kharvest Publ., 2011. 400 p.

Крен в сторону волевого элемента привел к смещению на второй план сознательного момента. Доказательством того служит учение о преступлении, представляющее ядро науки уголовного права. Согласно этому учению все событие криминального происшествия рассматривается с позиции состава преступления как общественно опасного и запрещенного законом деяния. Сознание как нечто самостоятельное в этом учении не представлено. Оно встроено в конструкцию деяния, где ему среди прочих элементов отведено рядовое место в составе субъективной стороны преступления. В результате не преступление рассматривается с высоты сознания, а сознание оценивается с позиции волевого акта. Сознание и знание о нем востребовано лишь в том объеме, в котором это необходимо для объяснения механики преступного поведения и выяснения его причин.

В этом плане учение о преступлении, а через него и все уголовное правоправедение можно небеспочвенно отнести к одному из направлений бихевиоризма, изучающего все поведение с позиции рефлексов и реакций на определенные стимулы в среде. Для обозначения парадоксальности сложившихся в науке уголовного права представлений здесь напрашивается сравнение этой дисциплины с физиологией, где невозможно представить, чтобы специалисты формировали знания о мозге на основе знаний, например, о ногах или руках.

Еще одним доказательством нивелирования значения сознания выступает теория квалификации преступления, имеющая ключевое значение в практической деятельности органов юстиции. Согласно определению В. Н. Кудрявцева, «квалифицировать – значит относить некоторое явление по его качественным признакам, свойствам к какому-либо разряду, виду, категории. В области права квалифицировать – значит выбрать ту правовую норму, которая предусматривает данный случай, иными словами – подвести этот случай под некоторое общее правило. Квалифицировать преступление – значит дать ему юридическую оценку, указать соответствующую уголовно-правовую норму, содержащую признаки преступления» [18, с. 237].

Это определение, как следует из его содержания, содержит обилие глаголов. Каждая часть дефиниции содержит указание на действие. Правоприменителю надлежит «отнести»,

«выбрать», «предусмотреть», «подвести», «дать», «оценить», «указать» и т.д. Определение и раскрывающее его учение не отвечают на вопросы о том, как правоохранитель должен «отнести» некоторое явление к какому-либо разряду; каким образом «выбрать» правовую норму; каким способом «предусмотреть» данный случай и «подвести» его под общее правило; за счет чего «дать» юридическую оценку и с помощью каких средств «указать» на уголовно-правовую норму, соответствующую признакам преступления.

Дополнительное разъяснение В. Н. Кудрявцева о порядке реализации на практике процесса квалификации на заданные вопросы ответа не содержит. «В юридических документах, – отмечал ученый, – квалификация преступления выражается в виде готовой оценки совершенного деяния. Вполне понятно, однако, что это оценка появилась лишь в результате сложной, подчас длительной и кропотливой работы органа дознания, следователя, прокурора и суда; она предполагает глубокое изучение фактических обстоятельств дела, толкование смысла закона, выбор соответствующей нормы, сопоставление закрепленных в ней признаков преступления с признаками фактически совершенного деяния и, наконец, построение вывода, который закрепляется в том или ином правовом документе» [18, с. 239].

В уточнении правоведа прояснено немного и вновь акцент сделан на волевые акты. Юрист попытался конкретизировать позицию, но на самом деле в очередной раз ассоциировал процесс квалификации с обезличенным набором действий. Указал на «работу органа дознания», «выбор соответствующей нормы», «сопоставление признаков преступления с признаками совершенного деяния» и «построение вывода». Только в одном случае сослался на «изучение» обстоятельств дела, которое в некоторой мере можно связать с ушедшим на второй план сознательным элементом.

Во всех определениях просматривается одна и та же картина. Вовлеченность сознания в процесс квалификации и способность его влияния на эту процедуру не отмечаются, как будто рассматриваемый процесс совершается неким машинальным способом. Либо через дистанцирование от сознания выражается отношение к этому элементу как к чему-то подра-

The bias towards will made the concept of consciousness fall by the wayside. To prove it, let us appeal to the doctrine of crime as the core of the theory of criminal law. This doctrine views all criminal events with regard to elements of crime as a socially dangerous and legally forbidden deed. It does not see consciousness as an independent phenomenon. Consciousness here is an element of deed and constitutes the mental part of crime among other elements. As a result, it is not crime that is viewed from the perspective of consciousness but consciousness that is viewed from the position of the act of will. The doctrine requires the concept of and knowledge of consciousness only to the extent where they are needed to explain the mechanics of a criminal behavior or to discover the cause of crime.

From this perspective, we have good reason to refer the doctrine of crime and thus the entire theory of criminal law to a branch of behaviorism, which studies all kinds of behavior from the point of view of reflexes and response to stimuli. To demonstrate how paradoxical these views in the theory of criminal law are, we may compare this discipline to physiology and see what happens if physiologists develop their knowledge of brain from the point of view of, let us say, legs or arms.

Another good evidence of mitigating the importance of consciousness is the theory of crime classification, the core theory for practical activity of justice departments. According to Kudryavtsev's definition, 'to qualify means to ascribe a phenomenon to a certain kind, form, or category based on its qualitative characteristics. In law, to qualify means to choose the legal norm that makes provision for such a case, in other words, to bring a case under a general rule. To qualify crime means to give it a legal evaluation and to find an associated norm in criminal law that would have the features of that crime' [18, p. 237].

This definition, as one may easily see from its content, contains too many verbs. Every part of the definition refers to an action. The legislator must ascribe, choose, bring under, give, find, and so

forth. However, neither the definition nor the relevant doctrine explains in what manner the legislator should 'ascribe' a phenomenon to a certain kind; to 'choose' a legal norm, to 'make provision' for a case, and to bring a case under a general rule; what grounds the legislator must 'give' a legal evaluation on, and what tools should be used to 'choose' a legal norm that would have the features of a certain crime.

Kudryavtsev's further explanation of the procedure for implementing the process of qualification in practice does not answer these questions. The scientist notes that 'in legal documents, qualification of crime is usually given as the final evaluation of a deed committed. It is quite obvious though that such evaluation is a result of challenging, continuous, and diligent efforts made by an investigative authority, investigator, prosecutor, or court. It requires in-depth analysis of facts of the case, interpretation of laws, choice of a relevant legal norm, comparison of elements of crime described by the legal norm to the elements of the deed actually committed, and, finally, making a conclusion and fixing it as a legal text' [18, p. 239].

This elucidation given by the legal thinker does not clarify that much with the emphasis made on volitional actions again. The lawyer tried to specify his position but instead associated the qualification process with impersonalized series of actions. He wrote about the 'efforts made by an investigative authority', 'choice of a relevant legal norm', 'comparison of elements of crimes to the elements of the deed actually committed', 'conclusion' or 'making a conclusion'. Only once the lawyer referred to 'analysis' of facts of the case, which we may link to the conscious part.

In all definitions the same pattern can be traced. Involvement of consciousness into the process of qualification and ability of consciousness to influence the process are left unnoticed: as if the process were performed in some mechanical manner; or by distancing from the process, the researcher expresses his attitude to the element as something deemed natural, something to be ignored or left out. Definitions create the impression

зумеваемому, чем можно пренебречь или оставить за скобками. Дефиниции сформулированы таким образом, словно процесс квалификации совершается вне сознания, без сознания и не для сознания как для единственно истинного субъекта правоведения, правотворчества и правоприменения. Как будто установление признаков преступления осуществляется без знания о запрещающем его законе, вне знания о событии происшествия и не для получения знания о наказуемости лица. Как будто возможно что-либо определить в юридическом пространстве и тем более квалифицировать без применения средств познания личности виновного и его отношения к содеянному, без изучения объекта посягательства и степени его значения для общества. Или как будто теория и все законодательство не являются знанием как результатом познания социальной реальности.

В дефинициях, выполненных по правилам волевой теории права, упускается, что процесс и исход квалификации зависят не только от череды вышеназванных действий, порожденных мускульным движением и центробежным нервным током, но и от того, кто их совершает, каким он располагает знанием и какие методы познания применяет на месте происшествия. До сих пор в уголовном правоведении сильны позиции Э. Ферри, который утверждал: «человек действует так, как он чувствует, а не так, как он думает». «Тут не может быть и речи, — настаивал мыслитель, — об исключительной привилегии человечества, о вмешательстве силы нравственной свободы, которая являлась бы чудесным исключением в общем строе происходящих в мире деятельности» [35, с. 296].

Интерес к сознанию и знанию в отраслевой юриспруденции периодически пробивается. Но он до сих пор не дал ощутимого результата. Известны попытки специалистов Принстонского и Пенсильванского университетов по вживлению в содержание уголовного права как поведенческой дисциплины феноменов «знание» и «сознание». Однако такие эксперименты оказались неудачными. Прямолинейная трансплантация и культивация на базе воли «сознания» привели к разочарованию специалистов в дееспособности уголовного права. Проанализировав данные, производимые этой отраслью права как поведенческой наукой, они не нашли подтверждения тому, что уголовное

право удерживает своих адресатов от совершения криминальных актов.

Изучив сознание и знание в качестве проводников уголовно-правовых запретов, ученые убедились в том, что они не имеют прямого воздействия на волевую составляющую поведения человека. По их сведениям, потенциальные правонарушители обычно не знают правовых норм, а те правила, что явно сформулированы и не нуждаются в каком-либо специализированном познании, не дают поведенческого эффекта. Но даже если они знают правила, имеют портфолио затрат и выгод, которые потенциальный преступник может понести и извлечь от совершенного деяния, то это обычно не мешает им сделать выбор в пользу нарушения, а не соблюдения закона. Потенциальные правонарушители обычно не используют эти знания для руководства поведением в собственных интересах и попадают под воздействие иных — социальных, экономических или ситуационных факторов [63].

Исход исследований иностранных коллег не мог быть другим. На его выводах сказалось инородное качество со-знания для волевой теории права. Роль сыграло и то, что ими проведена «пересадка» сложного явления (сознания) на базу простого (воли), т.е. несопоставимых феноменов. Очевидно и то, что ученые ожидали установить прямую связь между знанием и поведением, а возможность существования опосредованной или латентной не исследовали. Для проведения таких экспериментов и обнаружения искомой зависимости нужна новая теория или существенная модификация прежней теории уголовного права, которая опиралась бы на со-знание как свое основание.

Знание как новая форма права

Результаты проведенного исследования подсказывают, что за всеми вышеперечисленными глаголами стоят и до сих пор не раскрываются правоведением процессы сознания. Их эволюция и конкретно-историческое развитие влияют на правообразование и правоприменение не в меньшей степени, чем события социально-политического порядка, традиционно используемые для обоснования или оправдания уголовно-правовых и процессуальных манипуляций в этих областях жизнедеятельности.

as if the qualification process were performed outside of consciousness, without consciousness, and not for consciousness as a solely genuine subject of legal studies, law-making and law-enforcement. As if elements of a crime could be determined without knowing the law that forbids it, outside knowing about the event and not for the purpose of gaining knowledge about an individual's liability to punishment. As if it were possible to define or, moreover, to qualify legal phenomena without analyzing personality of the guilty or their attitude to the committed deed, or without studying the object of the offence, or its value for the society. As if the theory and legislation in general were not knowledge as a result of understanding the social reality.

Ultimately, definitions that base on the will theory of law omit the fact that the qualification process and outcome depend not only on a series of abovementioned actions generated by the muscular movement and descending nervous impulse but also on an individual who performs it, knowledge available to them, and cognitive methods used at the place of crime. In other words, the theory of criminal law is still dependent on the views established by Ferri who confirmed that 'human acts as it feels but not as he thinks'. As the scholar insisted, 'exclusive privilege of the humankind and the force of moral freedom as a miracle exception to modern activities are out of the question' [35, p. 296].

Interest of branches of law in consciousness and knowledge occasionally thrusts through. Nonetheless, so far it has not produced any results. There have been attempts made by researchers of the Princeton University and the University of Pennsylvania to introduce the phenomena of knowledge and consciousness to criminal law as a behavioral discipline. However, their experiments failed to be a success. Direct transplantation and cultivation of 'knowledge' and 'consciousness' terms based on the will theory made experts doubt efficiency of criminal law. Having analyzed statements established by criminal law as a behavioral science, they did not find any evidence that crimi-

nal law keeps its addressees from committing criminal acts.

Having studied consciousness and knowledge as the conductors of prohibitions in criminal law, scientists have seen that these phenomena do not have a direct impact on the volitional constituent of human behavior. According to their findings, potential offenders are often unaware of the legal rules, and even the rules that have been explicitly formulated do not produce a behavioral effect. Furthermore, even when offenders know the legal rules and perceive a cost-benefit analysis, they still violate laws but not obey them. Potential offenders do not bring such knowledge to bear to guide their conduct in their own best interests but fall under the influence of a variety of social, situational, economical, and other factors [63].

The outcome of foreign researches just could not have been any different. Their conclusions are affected by the alien nature of knowledge and consciousness for the will theory of law. The other important reason for that is that they 'transplanted' a complex phenomenon (consciousness) onto the basis of a more primitive phenomenon (will), i.e. these phenomena are incomparable. It is also obvious that scientists sought direct connection between knowledge and behavior while neglecting indirect or latent connections. To make better experiments and discover the desired dependency, we need to create a new theory or to significantly modify the previous theory of criminal law so that it would be founded on the concepts of knowledge.

Knowledge as a New Form of Law

The results of the research suggest that all the abovementioned verbs used in the legal theory implicate but do not define conscious experience. Still, evolution and development of the concepts of consciousness through history have no less effect on law-making and law-enforcement than social and political events that are traditionally used to justify or excuse criminal law or procedural manipulations in these areas of human activity.

Может показаться, что речь идет о появлении нечто нового или о включении в привычные научно-практические процедуры не касающихся их процессов. Но в действительности они не появились, а всегда сопутствовали правовой жизни. Другое дело, что до некоторых пор гносеологические изменения протекали малозаметно или вовсе латентно. Они не улавливались и не воспринимались обычным взглядом. Сегодня эпистемологические трансформации вышли на первый план. Кратно ускорившаяся динамика социальных событий и включение в нее новых субъектов, влияющих на правообразование, сделали очевидным и значимым присутствие в праве актов со-знания, выявили их реальное влияние на правоприменение. Обозначилось, что у законодателя есть проблемы с изложением норм поведения, у правоприменителей есть проблемы с восприятием криминальной реальности, а у пользователей – с точным исполнением и пониманием запретов.

Состав этих актов образуют *проблемы сознания, познания и знания*, которые в большинстве научных изданий не рассматриваются, а в учебные программы не включаются для ознакомления. В исследовательском плане феномены «сознание – знание – познание» во взаимосвязи не изучаются и не определяются как внутренние части научной деятельности. Специалисты ограничиваются описанием внешних атрибутов науки – ее предмета, метода и задач.

Начало сложившемуся «бессознательному» состоянию дел в правоведении было положено, когда ученые сделали мировоззренческий выбор и взяли за основу подхода к праву позитивистскую методологию, минимизирующую или вовсе исключаящую человека из представлений о праве в силу широкой вариативности и неустойчивости его сознания. Продолжение имело место, когда юристы приступили к формулированию теории правового поведения. В этот момент они полагались на восприятие поведения как сложного явления, включающего в себя волевое и эмоциональное, что сегодня оценивается как двухэлементная, простая и примитивная структура. Положение усугубило то, что юристы взялись за описание и концептуальное определение правового поведения в тот момент, когда психология и общественная наука в целом могли им помочь немногим. К тому

времени, как писал известный социальный психолог Т. Шибутани, «научное изучение человеческого поведения еще не вышло из детского возраста» [38, с. 15]. Но юристы, по свидетельству В. Н. Кудрявцева, ожидать взросления смежных наук не стали. Приступили к конструированию правовой теории в условиях больших пустот. Им пришлось «...разрабатывать вопросы правового поведения, используя разные определения и характеристики, существующие на сегодняшний день в философии, социологии и психологии и более или менее приемлемые для целей юридической науки» [18, с. 12].

С тех пор прошло время и науки не стояли на месте. Несмотря на это, отраслевое правоведение не спешит провести модификацию выработанных в прежние периоды аксиом и постулатов, восполнить нехватавшие сведения о принципах построения и механизмах правового поведения, синхронизировать достижения наук и устранить существующие между ними перекося 56¹. Продолжаем «передвигаться» в сфере права на представлениях о нем как чувственно-волевом явлении, лишенном интеллектуально-духовного наполнения. Пришло время признать: сегодня, когда смежные отрасли знания шагнули существенно вперед, правоведение осталось позади, в плену устаревших стереотипов.

Признание наличия проблем сознания, познания и знания и их включение в действующий концепт права способно многое прояснить. Появляются, как минимум, ответы на ранее актуализированные вопросы. Впредь, когда задаем вопросы о том, что есть «сложная, длительная и кропотливая работа органа дознания»,

¹ Здесь нужно отметить, что у рассинхронизированности отраслей знаний есть оборотная сторона, которая не ограничивается сугубо гносеологическими последствиями. Разлад дисциплин влечет четкие негативные последствия на практике. На примере уголовного преследования за причинение травм психическому здоровью детей профессор Университета Сан-Франциско США Кассандра Женеке проследила и обнаружила дефекты науки, отвечающей за постановку медицинского диагноза, выводы которой влекут необоснованное уголовное преследование. По итогам исследования автор пришел к выводу, что без реформы научного понимания SBS американская система уголовного правосудия будет продолжать вносить свой вклад в неправомерное осуждение невиновных опекунов и родителей (См.: Jenecke, Cassandra, Shaken Baby Syndrome, Wrongful Convictions, and the Dangers of Aversion to Changing Science in Criminal Law (2014) // University of San Francisco Law Review. 2014. Vol. 48. P. 147. URL: <https://ssrn.com/abstract=2483551>).

It may seem that we are talking about something novel or involvement of unrelated phenomena into habitual academic and research procedures. However, in fact these phenomena have not emerged from nowhere but have always been accompanying legal life. It is another matter though that until now, gnoseological changes had been barely noticeable or even latent. They could have been neither felt nor seen at a glance. Today epistemological transformations are coming to the fore. Drastically accelerating pace of social events and involvement of new actors into the law-making process have allowed to demonstrate the presence of conscious experience in law and also to define its actual impact on law-enforcement. It has been indicated that the legislator experiences difficulties with articulating standards of conduct, the law-enforcer has difficulties with perceiving the criminal reality, and the law-user has difficulties with strict observation or precise comprehension of prohibitory rules.

The contents of conscious experience acts constitute the *issues of consciousness, cognition, and knowledge*, which are usually left uncovered by scientific publications and omitted from curricular programs. In research, consciousness, knowledge, and cognition are not studied as inter-related phenomena or internal elements of scientific activities. Experts merely describe outer attributes of science, namely, research subject, methods, or objectives.

The ‘un-conscious’ state of affairs in legal theory began when scientists chose their way of world perception and relied on the positivist methodology as the basic approach to law, thus minimizing or even eliminating human from legal concepts due to great variability and instability of human mind. It was continued when lawyers started to formulate the theory of legal behavior. At that time, they relied on the definition of behavior as a complex phenomenon with the will and emotional parts, which is today defined as a two-part primitive structure. The fact that lawyers intended to describe and conceptually define legal behavior at

the time when psychology or social science had very little to offer did not help, either. By that time, as a famous social psychologist Shibutani wrote, ‘scientific research of human behavior was still in its early childhood’ [38, p. 15]. Lawyers, as Kudryavtsev states, did not want to await related sciences becoming mature. They began constructing legal theory under the conditions of vast gaps. They had to ‘develop the legal behavior concept, using definitions and ideas that could be offered by philosophy, social science, or psychology of that time and would more or less suit the purposes of legal science’ [18, p. 12].

Time has gone by since then, and science has made some advances. However, legal sciences do not hurry to modify previous axioms or postulates, to fill in the gap in the views on principles and mechanisms of legal behavior, to synchronize achievements of different disciplines, and to eliminate imbalances [56]¹. Thus, we are continuing to ‘advance’ in law being based on the concept of law as the sensory-volitional phenomenon deprived of any intellectual or spiritual content. The time has come to admit that today’s legal theory is far behind other sciences and remains a prisoner of outdated stereotypes, while other sciences have been progressing significantly.

Recognition of consciousness, cognition, and knowledge issues and their involvement into the current concept of law would explain so many things. At a minimum, it will provide answers to previously asked questions. From this moment on, we will mean the cognition process when we speak

¹ A noteworthy detail here is that the imbalance between branches of law has the reverse side that cannot be reduced to merely gnoseological consequences. The discordance of legal disciplines results in visible negative consequences in practice. Based on the example of criminal prosecution for causing damage to child’s mental health, the professor of the University of San Francisco Cassandra Jenecke has discovered defects in the science behind the medical diagnosis that lead to wrongful conviction. As a result of her research, Jenecke concludes that without reform concerning scientific understanding of SBS, the American criminal justice system will continue to contribute to the almost certain wrongful conviction of innocent caregivers and parents (see: Jenecke C. Shaken Baby Syndrome, Wrongful Convictions, and the Dangers of Aversion to Changing Science in Criminal Law (2014). *University of San Francisco Law Review*. Vol. 48. Pp. 147-188. 2014. Available at: <https://ssrn.com/abstract=2483551>).

имеем в виду процесс познания, а под «результатом» этой работы или квалификацией понимаем знание. Когда спрашиваем о том, как «отнести» некоторое явление к какому-либо разряду или «сопоставить признаки преступления с признаками совершенного деяния», то подразумеваем сравнительный анализ как один из множества приемов познания. «Готовую оценку совершенного деяния» относим к знанию как продукту познания. К ним же причисляем «построение вывода» и сам «вывод», закрепляемый в том или ином правовом документе. Под «предусмотрением» данного случая и «подведением» его под общее правило имеем в виду получение частного знания и его включение в более общее знание. «Дать» юридическую оценку – значит воспроизвести знание об уголовно-охраняемом объекте в его соотношении с совершенным против него посягательством. «Указать» на уголовно-правовую норму, соответствующую признакам преступления, – это редуцировать знание о наказуемости деяния. Во всех случаях и со всех сторон, как видно, юридический процесс и соприкасающиеся с ним сферы общежития имеют дело с явлениями знания, познания и сознания.

Каждый из обозначенных феноменов образует собственное проблемное поле. Например, в силу особенностей индивидуального или общественного сознания принятый закон может либо игнорироваться и не применяться своими адресатами, либо ими искажаться, а его требования и запреты преодолеваются. На одну из таких проблем обратил внимание В. С. Нерсисянц, когда указал на то, что несоответствие между образами общественного сознания и образами законодателя ведет к правовому регрессу [26, с. 51–52]. Живым примером такого несоответствия образов сегодня служит уголовно-процессуальный запрет на заключение предпринимателей под стражу, когда законодатель в вопросе о принадлежности лица к числу предпринимателей предложил руководствоваться формальным критерием, а правоприменитель в своем большинстве продолжает их арестовывать, придерживаясь содержательного ориентира. То есть не признает предпринимательского статуса лица на том основании, что бизнес путем хищений не делается, а бизнес-мошенник ничем не отличается от других расхитителей собственности.

На почве дефектов познания не только правоведы, но и правоприменители в настоящее время не могут достигнуть паритета в критериях оценки уровня социальной реальности в целом и криминальной обстановки в частности. Между учеными и практиками уголовного права, внутри самих практиков возник раскол в оценках состояния преступности. Названные субъекты познания, основываясь на релятивистских началах, находятся в подходах к правопорядку на противоположных и критически удаленных друг от друга позициях. Каждый из них при познании окружающей реальности использует искусственно сконструированный для своих нужд шаблон мировосприятия, предназначенный в основном для мониторинга собственных камерных пространств. Их объединяет лишь отсутствие в занятых ими позициях онтологического базиса и то, что никто из органов правоприменения не ставит перед собой задачу по поиску и принятию на вооружение общей для всех социально-правовых институтов парадигмы восприятия реальности.

Пик проблем достигается на высоте знания. Помимо аккумуляции собственных дилемм знание суммирует в себе издержки и сознания, и познания. Знание, в т.ч. о преступном и наказуемом, имеет сложный механизм формирования. В его формировании принимают участие представители не только научных, властных и профессиональных сообществ, но и других слоев населения. Знание воспроизводится в различных режимах. Оно вырабатывается не только в привычном для общего понимания конкретном-историческом формате, когда законодатель исходя из социальной, политической и криминологической обстановки в прошлом, настоящем и некотором будущем устанавливает тот или иной запрет как результат знания им этой обстановки. Представления о запрещенном и дозволенном формируются еще в двух режимах: «здесь и сейчас» и в эволюционном порядке.

Пример развития определенного знания на протяжении нескольких эпох показывает нелегкая судьба тезиса Протагора, предложившего в V в. до н.э. отказаться от возмездия как идеи наказания и использовать его только для улучшения положения виновного. В те же и в последующие времена человечество не услышало слов мыслителя, имевшего в свою быт-

of ‘challenging, continuous, and diligent efforts made by an investigative authority’ and imply knowledge when we speak of the ‘result’ of such efforts (qualification). When we question the manner in which we must ‘ascribe’ a phenomenon to a certain kind or ‘compare elements of crime to the elements of the deed actually committed’, we mean comparative analysis as one of the numerous cognitive techniques.

‘Final evaluation of a deed committed’ refers to knowledge as a product of cognition. Products of cognition also include ‘making a conclusion’ and a ‘conclusion’ itself. To ‘analyze’ a case and to ‘bring’ a case under a general rule mean to obtain particular knowledge and to refer it to knowledge that is more general. ‘To give’ a legal evaluation means to reproduce knowledge about an object protected by criminal law in relation to the offence made against it. ‘To choose’ a relevant legal norm means to reduce knowledge about liability to punishment. In all cases and from all sides, we can see that the legal process and associated rules of life in the community deal with the phenomena of knowledge, cognition and consciousness.

Each of these phenomena creates its own array of issues. For instance, due to peculiar features of individual or collective consciousness, the law may be either ignored or disobeyed by its addressees, interpretation of the law may be distorted, or requirements and prohibitions set by the law may be dismissed. This is one of the problems that Nersisyan emphasized when he wrote that ‘the discrepancy between images of social conscience and legislator images results in legal regress’ [26, pp. 51–52]. A vivid example of such discrepancy is the rule of criminal law that prohibits to imprison entrepreneurs, when the legislator suggests that we recognize an individual as an entrepreneur based on formal criteria, and the law-enforcer continues to arrest them based on the substantive grounds, i.e. does not acknowledge a criminal as an entrepreneur, assuring that business cannot be made through stealing, thus a business fraud is just a regular theft.

Because of *cognitive* defects, not only legal theorists but also law-enforcers fail to achieve parity regarding evaluation criteria for the social reality in general and criminal situation in particular. There is the split between criminal law theorists and practitioners, and even among practitioners themselves, in estimating the state of crime.

Previously mentioned actors of cognition depend on relativistic ideas and demonstrate opposite and crucially distant positions in approaching law and order. Each of them uses an artificially created pattern of world perception that serves their own needs and better suits for local use. The only thing that unites them is the lack of ontological basis in their positions and the fact that none of legal actors tries to develop or accept the paradigm that would be general for all social and legal institutions.

The problems reach their peak at the height of *knowledge*. Besides accumulating its own dilemmas, knowledge carries all defects of both consciousness and cognition. Knowledge including knowledge of crime and punishment has a complex mechanism of formation. Not only representatives of academic, governmental, or professional communities participate in the process of its formation but so do other social groups. Knowledge is reproduced in different modes. In the most common understanding, it develops as a result of a concrete historical development when based on the analysis of social, political, and crime situations of the past, presence, and partly future, the legislator imposes prohibitory rules as a result of knowing all these situations. However, the ideas on the prohibited and the allowed may also develop in two more modes, ‘here and now’ and as an object of evolution.

A good example of how certain knowledge may develop through the ages is the uneasy fate of Protagoras thesis. In the 5th century B. C., he suggested that we should decline the idea of retaliation as a means of punishment and use it only for self-improvement of the guilty. However, the humanity did not hear his words despite the fact that Protagoras was a famous philosopher of those times. In

ность широкую славу и известность. Отказались воспринимать его слова в качестве знания. Отказались в последующем и от самого Протагора, осудив его за сочинение «О богах» и изгнав из Греции. Но на этом в своем пренебрежении и невнимательности не остановились. Отказались от установления и исследования метода, с помощью которого он получил продемонстрированное им знание. В IV в. н. э. Аврелий Августин напомнил человечеству мысль Протагора, когда заявил, что Господь через наказание ранит нас, чтобы исцелить, и в некотором смысле убивает нас, чтобы мы не умерли. Однако и это суждение постигла та же участь. Массовое адаптирование заявленных предложений и их постепенное вживание в законодательство в качестве нормы общественной жизни началось только на заре Нового времени.

Историки не подтверждают наличия связи между идеями двух философов и, тем более, их последующего воплощения в эпоху Просвещения. Появление в XVIII в. схожего гуманистического взгляда на наказание как на средство искупления вины и исправления виновника, а не как на инструмент кары и мести связывают с гением Ч. Беккариа и рядом философов (прежде всего Вольтера и Монтескье), чьи взгляды во многом совпадали. Через обозначение негативного влияния на просветителей феодальных судебных порядков, отличающихся произволом и жестокостью, специалисты доказывают, что мысль о наказании шла к своему подлинному смыслу в основном опытным путем: от назревшей и наскучившей социальной проблемы к ее решению и выработке для этого решения соответствующего знания. Гносеологическую связь между веками не прослеживают, как будто никаких эпистемологических процессов на протяжении эпох не протекало.

Но по тому же историческому процессу можно судить, что изменения в конечном итоге обнаружили себя. В первую очередь они касались знания. Сначала как видим, появилось, индивидуальное и во многом опережающее понимание на уровне отдельных мыслителей того, что есть наказание и в чем состоит его подлинное назначение. Правда, продолжительное время знание Протагора и Августина оставалось в предпосылочном статусе, поскольку общественная мысль пошла другим путем – путем «проб и ошибок», требующим для своей

реализации значительных временных, ресурсных и общественно-политических издержек. Затем, спустя многие века, наступило общественное понимание и признание высказанных мыслителями положений. Произошла, иными словами, социализация знания.

Однако возникает ряд вопросов. Что еще в эпохах сказано, а нами не услышано? И почему мы упустили и не расслышали? Не установили, не исследовали и не приняли на вооружение методы Протагора по получению такого знания, которое прошло испытание веками и своей истинности не утратило? Или уголовно-правовое знание сегодня продолжает добываться наукой в основном опытным и весьма затратным по времени путем? Почему наука не занимается изучением этих аспектов? Ответ на все эти вопросы связан с тем типом научной рациональности, который учеными взят на вооружение. То есть определенный набор правил, с помощью которых субъекты права познают и объясняют окружающую, в т. ч. криминальную, реальность. Как только они изменяют одно или несколько правил, тип рациональности меняется. Возникает обновленный или, как минимум, измененный взгляд на правовую жизнь: либо меняется, либо появляется дополнительный угол обзора социальной реальности.

Из-за присущих типу рациональности ограничений, над суждениями об уголовном праве сегодня довлеют локализованный взгляд и ситуативная логика. В лучших традициях позитивизма, изменения в системе, структуре и нормах этого права специалисты объясняют, как правило, конкретно историческими событиями, волей и предпочтениями действующей власти (господствующего класса). Иначе говоря, используется весьма удобный и незамысловатый подход, позволяющий без углубления в социальную материю оперативно отвечать на тривиальные и во многом популистские вопросы: кто виноват? что делать? и кому делать? То есть позитивистский взгляд активно эксплуатируется в основном за счет своей наглядности и удобства, а не по причине познавательной полезности и полноценности.

Признание существования процесса получения знания в режиме «здесь и сейчас» влечет ряд последствий. Во-первых, разрушает стереотип о правоприменителе, который традиционно воспринимается лишь как пользователь знания.

other words, people refused to take his words as knowledge. Later they abandoned Protagoras himself when they reproved him for his work *On the Gods* and exiled him from Greece. People did not stop at that point in their ignorance and carelessness. They also refused from the method Protagoras had used to obtain that knowledge. In the 4th century A. D., Augustine of Hippo reminded the humanity of Protagoras thesis when he said that through punishment God wounds us in order to heal or, better say, to some degree kills us to keep us alive. However, Augustine's words suffered the same fate. Widespread adaptation of their ideas as well as their gradual embedment as a public norm in the legislation started only at the dawn of the Early Modern Period.

Historians, however, do not agree that these two ideas are related or were put to practice at the Age of Enlightenment. They refer similar humanistic opinions of the 18th century on punishment as the means of guilt redemption instead of penance or revenge to genius Cesare Beccaria and several other philosophers (first of all, Voltaire and Montesquieu) whose views significantly overlapped. By designating the negative impact of cruel and tyrannical feudal legal procedures on Enlighteners, experts establish that the views on punishment have been developing mostly through practice, from raising a pending yet weary social issue to developing relevant knowledge and solving the issue. Nobody talks about the gnoseological link between the ages as if no epistemological processes occurred over the years.

Nonetheless, the process of history itself demonstrates latent changes that went on for long and actually happened at some point. Firstly and most importantly, those were changes in knowledge. In the beginning, as the example shows, it was individual progressive understanding of particular philosophers regarding what punishment is and what true destination it has. From that moment on and for a long time Protagoras' and Augustine's knowledge had been remaining in its 'pre-knowledge' status because the social thought had taken a dif-

ferent track, i.e. the trial-and-error path that required tremendous time, resources, social, and political costs. Many centuries later the philosophers' statements were finally understood and admitted. In other words, the knowledge became socialized.

All what has been said above raises a number of questions. What else have been said but have not been heard through the ages? Why did we omit and did not hear it? Why did not we discover, did not analyze, and did not adopt Protagoras methods, which allowed to obtain the kind of knowledge that survived for centuries and remained true? Does modern science continue to develop the criminal law knowledge mostly through practice, in a time-consuming way? Why does not science ever study these aspects? To answer these questions, we should consider what type of scientific reason was used by scientists, i.e. a particular set of rules used by legal actors to understand or explain the social realm including criminal reality. As soon as at least one rule is changed, the type of scientific reason also changes. This creates a new or at least modified view on legal life. Either the concept changes completely, or it acquires an additional angle of viewing the social reality.

Because of these inevitable limitations of a particular type of scientific reason, today's views on criminal law surrender to mostly localized or situational logics. Keeping with the best traditions of positivism, experts tend to explain changes in the system, structure, or norms of criminal law by concrete historical events, will, or preferences of the acting government (or ruling class). In other words, they apply a very easy and simple approach that gives fast answers to trivial and mainly populist questions such as 'Whose fault is it?', 'What should be done?', and 'Who should do it?' without deepening into social issues. Thus, the positivistic approach is actively used today mostly because it is easy and illustrative but not because it is useful or complete.

Acknowledgement of the opportunity to develop knowledge in the here-and-now mode leads to a number of consequences. Firstly, it destroys the

Во-вторых, дает возможность увидеть, что в основе правоприменительной деятельности лежат не только социально обусловленные юридические процедуры и технологии, но и гносеологические процессы, которым часто отводят неприменное и фоновое значение. Считается, что в правоприменение он вступает с уже имеющимися знаниями о том, что есть преступление и наказание. Все его профессиональное призвание сводится к соблюдению правил квалификации. Тезис о правоприменителе, способном не только выступать в качестве потребителя знания, но и претендовать на статус его производителя, как правило, не рассматривается.

Вместе с тем герменевтика подсказывает, что писанные нормы сами по себе не определяют, например, преступность, наказуемость или общественную опасность запрещенных деяний. Замысел законодателя, запечатленного в его сознании, может отличаться от идеи созданного им текста закона. Оба эти начала (замысел и идея) могут вообще не быть связаны с окружающей их обстановкой, т. е. с отражаемым в нормативном акте жизненным контекстом. В результате соответствующее и конечное определение тому или иному уголовно-правовому запрету и событию дает не законодатель и не закон, как продукт его деятельности, а субъект правоприменения. В этом плане закон содержит лишь предпосылочное знание о том, что есть преступление и как за него нужно наказывать. Это знание оказывается знанием вчерашнего дня. Для того чтобы предпосылочное знание стало основным, оно должно каждый раз проходить процесс актуализации через герменевтический круг.

Правоприменитель добывает основное и актуальное знание. Отвечая своему герменевтическому назначению, он оценивает: опасность криминального деяния, которую имел в виду автор нормы; опасность посягательства, как ее воспринимали виновный, потерпевший и окружающее их общество. И в конечном счете ту опасность, представления о которой сложились у самого правоприменителя. Последний должен согласовать названные представления об опасности в своем кругу и затем вынести результаты собственного герменевтического труда на суд иных участников уголовного судопроизводства. В итоге не закон, а знание о

событии происшествия и о законе, вырабатываемое в ходе коммуникации участников судопроизводства и сложившегося между ними по законодательно установленным правилам диалога, служит единственно реальным и актуальным основанием уголовной ответственности.

Заключение

Проведенное исследование подтверждает обоснованность философского подхода к знанию как форме бытия и претензии этого явления на статус новой формы права. Знание отвечает всем параметрам бытия. Оно существует в трех ключевых и неразрывно взаимосвязанных ипостасях: как объект эволюции общественно-го сознания; как результат конкретно-исторического развития; как предмет повседневности, когда знание о событии происшествия, виновности лица, опасности и наказуемости совершенного им деяния вырабатывается «здесь и сейчас» участниками судопроизводства.

Изучение преступления является неотъемлемой и составной частью правоприменительного действия. Правоотношение есть в первую очередь процесс получения знания об обстоятельствах и причинах происшествия, о путях и способах разрешения возникшего конфликта. Только затем это правоотношение на основании полученного знания переходит в стадию квалификации, обвинения, осуждения, наказания или оправдания.

Как форма права знание означает, что право должно рассматриваться по образу и подобию знания, т. е. с позиции сознательного акта, который включает в себя и чувственный (рефлекторный) акт, и волевой акт, и интеллектуальный. Что это определение означает на деле, еще предстоит выяснить и конкретизировать, найти и применить к праву те образы и подобию, по законам которых живет само знание. Любопытны, например, правила, по которым формируются и коммуницируют различные отрасли знания. Их можно было бы экстраполировать и применить к взаимодействию отраслей права, к их кооперации с иными социальными регуляторами (морали, религии, экономики, политики и т. д.), где также формируется знание о допустимом и запрещенном. Не менее интересно для оценки эффективности процесса нормообразования в юриспруденции выяснить то, как формируются нормы, исполь-

traditional stereotype of the law-enforcer being just the user of knowledge. Secondly, it allows to see that the law-enforcement activity is based upon not only socially induced legal procedures or technologies but also gnoseological processes. It is believed that at the moment of law-enforcement, the law-enforcer has all-ready knowledge of crime and punishment, and the professional mission of the law-enforcer is to follow qualification rules. The idea that the law-enforcer may claim to the status of a knowledge producer but not only a knowledge user is not common.

At the same time, hermeneutics suggests that in and of themselves, written rules do not define crime, liability to punishment, or social danger of offenses. The legislator intent as it is branded on its mind may differ from the idea in the wording of the law it creates. Both these initiations (intention and idea) can be completely unrelated to the settings, i.e. social realities reflected in a regulatory act. As a result, the final definition of a penal prohibition or criminal event is given by a legal entity but not the legislator or law as a product of the legislator's activity. In this respect, law is only a pre-knowledge of what crime is and what punishment must be imposed. This is the knowledge that was born yesterday. To make this pre-knowledge final, we have to undergo the process of knowledge actualization following the hermeneutical circle each time.

The law-enforcer obtains the main and actual knowledge. Following its hermeneutical mission, the law-enforcer evaluates the danger of crime as it was meant by the legislator; the danger of infringement as it was perceived by the convict, victim, and their social community, and finally the danger of crime from the point of view of the law-enforcer. The latter must discuss all these evaluations of the danger with the other community and submit the results of its hermeneutical analysis to approval of other legal proceedings participants. Therefore, it is not the law but the knowledge

about the incident and the law as it was developed through the dialogue of legal proceedings participants, which can be the actual ground of criminal responsibility.

Conclusions

The results of the study confirm the validity of the philosophical approach to knowledge as a form of being and the claim of this phenomenon to the status of a new form of law. Knowledge has all necessary parameters of being. It exists in three key and inextricably interrelated hypostases, namely, as an object of evolution of public consciousness, the result of concrete historical development, and as an object of everyday life, when legal knowledge about the incident is developed 'here and now' by participants of legal proceedings.

Analysis of a fact of crime is an essential and substantial element of the law-enforcement activity. Legal relationship is in the first place the process of obtaining knowledge about circumstances and causes of the incident as well as about means and methods that can be used to resolve the conflict developed. Only then, based on the knowledge obtained, the legal relationship proceeds to the stage of qualification, accusation, condemnation, punishment, or acquittal.

As a form of law, knowledge means that the law must be viewed in the image and likeness of knowledge, i.e. from the position of a cognitive act, which includes a sensory act (reflexes), an act of will, and an intellectual act. What the term 'knowledge' exactly means is still to be discovered and specified, another objective is to find and apply the rules of knowledge existence to law. For instance, I am quite curious about the rules that guide the development of and interaction between different sciences. We could extrapolate and apply the same rules to the interaction between different branches of law and their cooperation with other social regulators such as morals, religion, economy, politics, etc. It would be also interesting to know

зуемые в познании. Важное значение для правоведения могут иметь передовые результаты познания антропологических свойств сознания и повлечь введение в отрасли права новых институтов и механизмов.

Библиографический список

1. Алексеев С. С. Философия права. М.: Норма, 1998. 336 с.
2. Бабаев М. М., Пудовочкин Ю. Е. Диалектика традиций и новаций в уголовном праве // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2015. № 2.
3. Бочкарев С. А. Теоретико-методологическое исследование уголовного права как системы научного знания: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2020. 539 с.
4. Вернадский В. И. Философские мысли натуралиста. М.: Наука, 1988. 520 с.
5. Виндшейд Б. Учебник пандектного права: общая часть / пер. с нем., ред. и предисл. С. В. Пахман. СПб.: Гиероглифов и Никифоров, 1874. 375 с.
6. Гегель Г. Философия права. М., 2000. 464 с.
7. Гегель Г. В. Ф. Философия права / пер. с нем.; ред. и сост. Д. А. Керимов и В. С. Нерсесянц; вступ. ст. и примеч. В. С. Нерсесянц. М.: Мысль, 1990. 524 с.
8. Гегель Г. Энциклопедия философских наук. Т. 1: Наука логики. М.: Мысль, 1974. 452 с.
9. Грибанов Д. В. Чувство права // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2010. № 3 (290). С. 253–260.
10. Грин Р. Законы власти / пер. с англ. Е. Я. Мигуновой. М.: РИПОЛ классик, 2009. 382 с.
11. Закомлистов А. Ф. Юридическая философия. СПб.: Юрид. центр-Пресс, 2003. 548 с.
12. Иоффе О. С. Избранные труды по гражданскому праву: Из истории цивилистической мысли. Гражданское правоотношение. Критика теории «хозяйственного права». М.: Статут, 2009. 777 с.
13. Кант И. Критика чистого разума / пер. с нем. Н. О. Лосского. М.: Эксмо, 2015. 734 с.
14. Касавин И. Т. Пространство: бытийственная основа знания // Эпистемология и философия науки. 2008. Т. XVIII, № 4. С. 5–15.

15. Керимов Д. А. Избранные произведения: в 3 т. М.: Изд. дом «Академия», 2007. Т. 2. 376 с.
16. Керимов Д. А. Методология права: предмет, функции, проблемы философии права. 5-е изд. М.: Изд-во СГУ, 2009. 520 с.
17. Кибальник А. Г. Традиции и новации в уголовном праве: очевидное и невероятное // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2015. № 5 (22). С. 70–74.
18. Кудрявцев В. Н. Избранные труды по социальным наукам: в 3 т. М.: Наука, 2002. Т. 1. 566 с.
19. Лисицын-Светланов А. Г. Философия права: классические идеи и вызовы современности // Трансформация парадигмы права в цивилизационном развитии человечества: докл. чл. РАН / под общ. ред. чл.-корр. РАН А. Н. Савенкова. М.: ИГП РАН, 2019. С. 153–164.
20. Лосев А. Ф. Поздние стоики // Римские стоики. Сенека, Эпиктет, Марк Аврелий. М., 1995. 365 с.
21. Лурия А. Р. Природа человеческих конфликтов. Объективное изучение дезорганизации поведения человека. М.: Когито-Центр, 2002. 527 с.
22. Макаров В. Л. Экономика знаний: уроки для России // Вестник Российской академии наук. 2003 Т. 73, № 5. С. 450–465.
23. Мальцев Г. В. Социальные основания права. М.: Норма: ИНФРА-М, 2013. 799 с.
24. Меркель А. Юридическая энциклопедия. СПб., 1902. 256 с.
25. Муромцев С. Определение и основное разделение права. М.: Тип. А. И. Мамонтова и Ко, 1879. 250 с.
26. Нерсесянц В. С. «Образ врага» – автопортрет общества // Платон. 2014. № 4. С. 51–52.
27. Савенков А. Н. Философия права, правовое мышление и глобальные проблемы современной цивилизации // Трансформация парадигмы права в цивилизационном развитии человечества: докл. чл. РАН / под общ. ред. чл.-корр. РАН А. Н. Савенкова. М.: ИГП РАН, 2019. С. 9–92.
28. Сартр Ж. П. Проблемы метода: статьи / пер. с фр. В. П. Гайдамака. М.: Акад. Проект, 2008. 222 с.
29. Соловьев В. Философское начало цельного знания. Минск.: Харвест, 1999. 911 с.

how cognitive standards develop in order to assess efficiency of the law-making process in jurisprudence. Legal theory may also significantly benefit from advancing research of anthropological properties of consciousness, which may result in creation of new legal institutions or mechanisms.

References

1. Alekseev S. S. *Filosofiya prava* [Philosophy of Law]. Moscow, 1998. 336 p. (In Russ.).
2. Babaev M. M., Pudovochkin Yu. E. *Dialektika traditsiy i novatsiy v ugodnom prave* [Dialectics of Traditions and Innovations in Criminal Law]. *Biblioteka kriminalista. Nauchnyy zhurnal* – The Criminalist's Library. Scientific Journal. 2015. Issue 2. Pp. 9–28. (In Russ.).
3. Bochkarev S. A. *Teoretiko-metodologicheskoe issledovanie ugodnogo prava kak sistemy nauchnogo znaniya: dis. ... d-ra yurid. nauk* [Theoretical and Methodological Study of Criminal Law as a System of Scientific Knowledge: Dr. jurid. sci. diss.]. Moscow, 2020. 539 p. (In Russ.).
4. Vernadskiy V. I. *Filosofskie mysli naturalista* [A Naturalist's Philosophical Thoughts]. Moscow, 1988. 520 p. (In Russ.).
5. Windscheid B. *Uchebnik pandektnogo prava: Obshhaya chast'*. *Perevod s nemetskogo; per. pod red. i s predisl.: Pakhman S. V.* [Textbook of Law of Pandects: General Part; transl. from German under the ed. of S. V. Pakhman]. St. Petersburg, 1874. 375 p. (In Russ.).
6. Hegel G. *Filosofiya prava* [Philosophy of Law]. Moscow, 2000. 464 p. (In Russ.).
7. Hegel G. W. F. *Filosofiya prava. Per. s nem.: Red. i sost. D. A. Kerimov i V. S. Nersesyants; Avt. vstup. st. i primech. V. S. Nersesyants* [Philosophy of Law; transl. from German; ed. and comp. by D. A. Kerimov and V. S. Nersesyants; preface and commentary by V. S. Nersesyants]. Moscow, 1990. 524 p. (In Russ.).
8. Hegel G. *Entsiklopediya filosofskikh nauk* [Encyclopedia of the Philosophical Sciences]. Moscow, 1974. Vol. 1. *Nauka logiki* [Science of Logic]. 452 p. (In Russ.).
9. Gribanov D. V. *Chuvstvo prava* [Sense of Law]. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Pravovedenie* – Proceedings of Higher Educational Institutions. Pravovedenie. 2010. Issue 3 (290). Pp. 253–260. (In Russ.).

10. Greene R. *Zakony vlasti / per. s angl. E. Ya. Migunovoy* [Laws of Power; transl. from English by E. Ya. Migunova]. Moscow, 2009. 382 p. (In Russ.).
11. Zakomlistov A. F. *Yuridicheskaya filosofiya* [Legal Philosophy]. St. Petersburg, 2003. 548 p. (In Russ.).
12. Ioffe O. S. *Izbrannye trudy po grazhdanskomu pravu: Iz istorii tsivilisticheskoy mysli. Grazhdanskoe pravootnoshenie. Kritika teorii "khozyaystvennogo prava"* [Selected Works on Civil Law: From the History of Civil Thought. Civil Legal Relationship. Criticism of the Theory of 'Economic Law']. Moscow, 2009. 777 p. (In Russ.).
13. Kant I. *Kritika chistogo razuma / per. s nem. N. O. Losskogo* [Critique of Pure Reason; transl. from German by N. O. Losskiy]. Moscow, 2015. 734 p. (In Russ.).
14. Kasavin I. T. *Prostranstvo: bytiystvennaya osnova znaniya* [Space: the Existential Basis of Knowledge]. *Epistemologiya i filosofiya nauki* – Epistemology and Philosophy of Science. 2008. Vol. XVIII. Issue 4. Pp. 5–15. (In Russ.).
15. Kerimov D. A. *Izbrannye proizvedeniya. V 3 t.* [Selected Works. In 3 vols.]. Moscow, 2007. Vol. 2. 376 p. (In Russ.).
16. Kerimov D. A. *Metodologiya prava: Predmet, funktsii, problemy filosofii prava. 5-e izd.* [Methodology of Law: Subject, Functions, Problems of Philosophy of Law. 5th ed.]. Moscow, 2009. 520 p. (In Russ.).
17. Kibal'nik A. G. *Traditsii i novatsii v ugodnom prave: ochevidnoe i neveroyatnoe* [Traditions and Innovations in Criminal Law: the Obvious and the Incredible]. *Biblioteka kriminalista. Nauchnyy zhurnal* – The Criminalist's Library. Scientific Journal. 2015. Issue 5 (22). Pp. 70–74. (In Russ.).
18. Kudryavtsev V. N. *Izbrannye trudy po sotsial'nym naukam: v 3 t. T. 1* [Selected Works on Social Sciences: In 3 vols.]. Moscow, 2002. Vol. 1. 566 p. (In Russ.).
19. Lisitsyn-Svetlanov A. G. *Filosofiya prava: klassicheskie idei i vyzovy sovremennosti* [Philosophy of Law: Classical Ideas and Challenges of Modernity]. *Transformatsiya paradigmy prava v tsivilizatsionnom razvitii chelovechestva: doklady chlenov RAN / pod obshh. red. chl.-korr. RAN A. N. Savenkova* [Transformation of the Paradigm

30. Сорокин В. В. Воля в праве: актуализация проблемы // Историко-правовые проблемы: новый ракурс. 2012. № 5. С. 258–262.
31. Спиноза Б. Избранные произведения: в 2 т. М.: Госполитиздат, 1957. Т. 1. 631 с.
32. Тощенко Ж. Т. Новые тенденции в развитии российской социологии // Социологические исследования. 2013. № 4 (348). С. 3–13.
33. Трубецкой Е. Н. Труды по философии права / вступ. ст. сост. и примеч. И.И. Евлампиева. СПб.: Изд-во РХГПИ, 2001. 543 с.
34. Фейербах Л. История философии: в 3 т. / пер. с нем.; под общ. ред. М. М. Григорьяна. М.: Мысль, 1967. Т. 3. 486 с.
35. Ферри Э. Уголовная социология. М., 1908. 657 с.
36. Чукин С. Г. Плюрализм, солидарность, справедливость. К проблеме идентичности философско-правового дискурса в ситуации постмодерна. СПб.: С.-Петерб. ун-т МВД России, 2000. 280 с.
37. Шершеневич Г. Общая теория права. М.: Изд. Бр. Башмаковых, 1912. 698 с.
38. Шибутани Т. Социальная психология. М.: Прогресс, 1969. 534 с.
39. Шопенгауэр А. Изречения. Афоризмы житейской мудрости / пер. с нем. Ф. Черниговец, Р. Кресин. Минск: Харвест, 2011. 250 с.
40. Шопенгауэр А. Собрание сочинений: в 6 т. Т. 1: Мир как воля и представление: / пер. с нем.; под общ. ред. А. Чанышева. М.: ТЕРА-Книжный клуб; Республика, 1999. 495 с.
41. Шульц В.Л. Социология знания: история и методология. М.: Наука, 2006. 194 с.
42. Allen R. J. and Leiter B. Naturalized Epistemology and the Law of Evidence. URL: <https://ssrn.com/abstract=293732>; <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.293732>.
43. Binder J. Das Problem der juristischen Persönlichkeit, 1907. 146 S.
44. Demogue R. Des notions fondamentales du droit privé. 1911. 681 p.
45. Dernburg H. Pandekten, 1902 T. I. 1050 S.
46. Endemann F. Lehrbuch des bürgerlichen Rechts. 1903. T. I.
47. Engle E., Ontology, Epistemology, Axiology: Bases for a Comprehensive Theory of Law // Appalachian Journal of Law. 2009. Vol. 8. Pp. 103–122. URL: <https://ssrn.com/abstract=1268528>.
48. Finnis J. M. What is the Philosophy of Law? // Rivista di Filosofia del Diritto 1 (2012) 67–78, Notre Dame Legal Studies Paper 12–67, Oxford Legal Studies Research Paper № 45/2012. URL: <https://ssrn.com/abstract=2109921>.
49. Loutzenhiser G. Philosophical Theorising on Taxation // Oxford Journal of Legal Studies. 2020. Vol. 40, Issue 4. Pp. 905–925. URL: <https://doi.org/10.1093/ojls/gqaa030>.
50. Gold A. S. and Miller P. B., Introduction to Philosophical Foundations of Fiduciary Law // S. Gold & Paul B. Miller, Philosophical Foundations of Fiduciary Law. Oxford: Oxford University Press, 2014. URL: <https://ssrn.com/abstract=2488563>.
51. Greenberg M. Naturalism in Epistemology and the Philosophy of Law // Law and Philosophy. UCLA School of Law Research Paper. 2011. № 07-17. URL: <https://ssrn.com/abstract=987523>.
52. Haack S. Epistemology Legalized: Or, Truth, Justice, and the American Way // American Journal of Jurisprudence. 2004. Vol. 49. Pp. 43–61. URL: <https://ssrn.com/abstract=682642>.
53. Hershovit S. The End of Jurisprudence Yale Law Journal, Forthcoming, October 27, 2014. URL: <https://ssrn.com/abstract=2515494>.
54. Holmes O. W. The Path of the Law, Harv. L. Rev. 10.457 (1897). 457 p.
55. Jellinek G. System des subjectiven öffentlichen Rechts. 1919.
56. Jenecke. C. Shaken Baby Syndrome, Wrongful Convictions, and the Dangers of Aversion to Changing Science in Criminal // University of San Francisco Law Review. 2014. Vol. 48. Pp. 147–188. URL: <https://ssrn.com/abstract=2483551>.
57. Jhering R. Geist des römischen Rechts, 1906, T. III. 782 p.
58. Kornhauser. L. A. Doing Without the Concept of Law. NYU School of Law. Public Law Research Paper. August 3. 2015. № 15-33. URL: <https://ssrn.com/abstract=2640605>; <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.2640605>.
59. Oberdiek J. Introduction: Philosophical Foundations of the Law of Torts. Philosophical Foundations of the Law of Torts. Oxford: Oxford University Press, 2014. URL: <https://ssrn.com/abstract=2493785>.
60. Pardo M. S. The Field of Evidence and the Field of Knowledge // Law and Philosophy. July 2005. Vol. 24. URL: <https://ssrn.com/abstract=691703>.
61. Patterson D. Notes on the Methodology Debate in Contemporary Jurisprudence: Why So-
- of Law in the Civilization Development of Mankind: Reports of Members of the Russian Academy of Sciences; ed. by Corresponding Member of the RAS A. N. Savenkov]. Moscow, 2019. Pp. 153–164. (In Russ.).
20. Losev A. F. Pozdnie stoiki [Late Stoics]. Rimskie stoiki. Seneka, Epiktet, Mark Avreliy [The Roman Stoics. Seneca, Epictetus, Marcus Aurelius]. Moscow, 1995. P. 365. (In Russ.).
21. Luria A. R. Priroda chelovecheskikh konfliktov. Ob'ektivnoe izuchenie dezorganizatsii povedeniya cheloveka [The Nature of Human Conflicts. An Objective Study of Disorganization of Human Behavior]. Moscow, 2002. 527 p. (In Russ.).
22. Makarov V. L. Ekonomika znaniy: uroki dlya Rossii [Economy of Knowledge: Lessons for Russia]. Vestnik Rossiyskoy akademii nauk – Herald of the Russian Academy of Sciences. 2003. Vol. 73. Issue 5. P. 450. (In Russ.).
23. Mal'tsev G. V. Sotsial'nye osnovaniya prava [Social Foundations of Law]. Moscow, 2013. 799 p. (In Russ.).
24. Merkel A. Yuridicheskaya entsiklopediya [Legal Encyclopedia]. St. Petersburg, 1902. 256 p. (In Russ.).
25. Muromtsev S. Opreделение i osnovnoe razdelenie prava [Definition and Basic Division of Law]. Moscow, 1879. 250 p. (In Russ.).
26. Nersesyants V.S. «Obraz vraga» – avtoportret obshchestva [‘Image of the Enemy’ as a Self-Portrait of Society]. Platon – Plato. 2014. Issue 4. Pp. 51–52. (In Russ.).
27. Savenkov A. N. Filosofiya prava, pravovoe myshlenie i global'nye problemy sovremennoy tsivilizatsii [Philosophy of Law, Legal Thinking and Global Problems of Modern Civilization]. Transformatsiya paradigm prava v tsivilizatsionnom razvitii chelovechestva: doklady chlenov RAN / pod obshh. red. chl.-korr. RAN A. N. Savenkova [Transformation of the Paradigm of Law in the Civilizational Development of Mankind: Reports of Members of the Russian Academy of Sciences; ed. by Corresponding Member of the RAS A. N. Savenkov]. Moscow, 2019. Pp. 9–92. (In Russ.).
28. Sartre J.-P. Problemy metoda. Stat'i / Per. s fr. V. P. Gaydamaka [Method Problems. Articles; transl. from French by V. P. Gaydamak]. Moscow, 2008. 222 p. (In Russ.).
29. Solov'ev V. Filosofskoe nachalo tsel'nogo znaniya [The Philosophical Principles of Integral Knowledge]. Minsk, 1999. 911 p. (In Russ.).
30. Sorokin V. V. Volya v prave: aktualizatsiya problemy [Will in Law: Bringing the Problem to Light]. Istoriko-pravovye problemy: novyy rakurs – Historical-Legal Problems: the New Viewpoint. 2012. Issue 5. Pp. 258–262. (In Russ.).
31. Spinoza B. Izbrannye proizvedeniya v dvukh tomakh [Selected Works in Two Vols.]. Moscow, 1957. Vol. 1. 631 p. (In Russ.).
32. Toshchenko Zh. T. Novye tendentsii v razvitiy rossyskoy sotsiologii [New Trends in the Development of Russian Sociology]. Sotsiologicheskie issledovaniya – Sociological Studies. 2013. Issue 4 (348). Pp. 3–13. (In Russ.).
33. Trubetskoy E. N. Trudy po filosofii prava / Vstup. st. sost. i primech. I.I. Evlampieva [Proceedings on the Philosophy of Law; preface and commentary by I. I. Evlampiev]. St. Petersburg, 2001. 543 p. (In Russ.).
34. Feuerbach L. Istoriya filosofii. Sbranie proizvedeniy v trekh tomakh. Per. s nem. Pod obshh. red. M. M. Grigor'yana [The History of Philosophy. Collected Works in 3 vols.; transl. from German; ed. by M. M. Grigor'yan]. Moscow, 1967. Vol. 3. 486 p. (In Russ.).
35. Ferri E. Ugolovnaya sotsiologiya [Criminal Sociology]. Moscow, 1908. 657 p. (In Russ.).
36. Chukin S. G. Plyuralizm, solidarnost', spravedlivost'. K probleme identichnosti filosofsko-pravovogo diskursa v situatsii postmoderna [Pluralism, Solidarity, Justice. On the Problem of Identity of Philosophical and Legal Discourse in the Postmodern Situation]. St. Petersburg, 2000. 280 p. (In Russ.).
37. Shershenevich G. Obshhaya teoriya prava [General Theory of Law]. Moscow, 1912. 698 p. (In Russ.).
38. Shibutani T. Sotsial'naya psikhologiya [Social Psychology]. Moscow, 1969. 534 p. (In Russ.).
39. Schopenhauer A. Izrecheniya. Aforizmy zhyteyskoy mudrosti / per. s nem. F. Chernigovets, R. Kresin [Sayings. Aphorisms of the Wisdom of Life; transl. from German by F. Chernigovets, R. Kresin]. Minsk, 2011. 250 p. (In Russ.).
40. Schopenhauer A. Sbranie sochineniy: V 6 t. [Collected Works: In 6 vols.]. Vol. 1. Mir kak volya i predstavlenie / per. s nem.; pod obshh.

ciologists Might be Interested // Law & Sociology 8.254 (Michael Freeman ed.) 2005. Pp. 254–258.

62. *Regelsberger F.* Pandekten. 1893. T. I. 717 p.

63. *Robinson, P. H. and Darley, J. M.* Does Criminal Law Deter? A Behavioral Science Investigation. URL: <https://ssrn.com/abstract=660742>).

64. *Saleille R.* De la personalite juridique. 1910.

65. *Schauer F.* In Defense of Rule-Based Evidence Law: And Rule-Based Epistemology Too. September 1. 2008. URL: <https://ssrn.com/abstract=1261980>; <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.1261980>.

66. *Schauer F.* On the Nature of the Nature of Law. May 9. 2011. URL: <https://ssrn.com/abstract=1836494>; <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.1836494>.

67. *Schlag P.* The Knowledge Bubble — Something Amiss in Expertopia. Forthcoming, Justin Desautels-Stein and Christopher Tomlins (editors) // Search of Contemporary Legal Thought. December 14. 2016. URL: <https://ssrn.com/abstract=2741144>; <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.2741144>.

68. *Smith St. D.*, Jurisprudence: Beyond Extinction? // San Diego Legal Studies Paper. August 22, 2007. № 07-108. URL: <https://ssrn.com/abstract=1009249>; <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.1009249>).

69. *Rodriguez-Blanco V.* Philosophising on international law: Jovanović's conception of normativity and rationality. *Revus* [on-line]; № 43. 2020, on-line since 11 November 2020, connection on 15 January 2021. URL: <http://journals.openedition.org/revus/6461>; DOI: <https://doi.org/10.4000/revus.6461>.

References

1. *Alekseev S. S.* *Filosofiya prava* [Philosophy of Law]. Moscow, 1998. 336 p. (In Russ.).

2. *Babaev M. M., Pudovochkin Yu. E.* *Dialektika traditsiy i novatsiy v ugolovnom prave* [Dialectics of Traditions and Innovations in Criminal Law]. *Biblioteka kriminalista. Nauchnyy zhurnal* – The Criminalist's Library. Scientific Journal. 2015. Issue 2. Pp. 9–28. (In Russ.).

3. *Bochkarev S. A.* *Teoretiko-metodologicheskoe issledovanie ugolovnogo prava kak sistemy nauchnogo znaniya: dis. ... d-ra yurid. nauk* [Theoretical and Methodological Study of Crimi-

nal Law as a System of Scientific Knowledge: Dr. jurid. sci. diss.]. Moscow, 2020. 539 p. (In Russ.).

4. *Vernadskiy V. I.* *Filosofskie mysli naturalista* [A Naturalist's Philosophical Thoughts]. Moscow, 1988. 520 p. (In Russ.).

5. *Windscheid B.* *Uchebnik pandektnogo prava: Obshhaya chast'*. *Perevod s nemetskogo; per. pod red. i s predisl.: Pakhman S. V.* [Textbook of Law of Pandects: General Part; transl. from German under the ed. of S.V. Pakhman]. St. Petersburg, 1874. 375 p. (In Russ.).

6. *Hegel G.* *Filosofiya prava* [Philosophy of Law]. Moscow, 2000. 464 p. (In Russ.).

7. *Hegel G. W. F.* *Filosofiya prava. Per. s nem.: Red. i sost. D.A. Kerimov i V.S. Nersesyants; Avt. vstup. st. i primech. V.S. Nersesyants* [Philosophy of Law; transl. from German; ed. and comp. by D. A. Kerimov and V. S. Nersesyants; preface and commentary by V. S. Nersesyants]. Moscow, 1990. 524 p. (In Russ.).

8. *Hegel G.* *Entsiklopediya filosofskikh nauk* [Encyclopedia of the Philosophical Sciences]. Moscow, 1974. Vol. 1. *Nauka logiki* [Science of Logic]. 452 p. (In Russ.).

9. *Gribanov D. V.* *Chuvstvo prava* [Sense of Law]. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Pravovedenie* – Proceedings of Higher Educational Institutions. *Pravovedenie*. 2010. Issue 3 (290). Pp. 253–260. (In Russ.).

10. *Greene R.* *Zakony vlasti / per. s angl. E. Ya. Migunovoy* [Laws of Power; transl. from English by E. Ya. Migunova]. Moscow, 2009. 382 p. (In Russ.).

11. *Zakomlistov A. F.* *Yuridicheskaya filosofiya* [Legal Philosophy]. St. Petersburg, 2003. 548 p. (In Russ.).

12. *Ioffe O. S.* *Izbrannye trudy po grazhdanskomu pravu: Iz istorii tsivilisticheskoy mysli. Grazhdanskoe pravootnoshenie. Kritika teorii "khozyaystvennogo prava"* [Selected Works on Civil Law: From the History of Civil Thought. Civil Legal Relationship. Criticism of the Theory of 'Economic Law']. Moscow, 2009. 777 p. (In Russ.).

13. *Kant I.* *Kritika chistogo razuma / per. s nem. N. O. Losskogo* [Critique of Pure Reason; transl. from German by N.O. Losskiy]. Moscow, 2015. 734 p. (In Russ.).

14. *Kasavin I. T.* *Prostranstvo: bytiystvennaya osnova znaniya* [Space: the Existential Basis of Knowledge]. *Epistemologiya i filosofiya nauki* –

red. A. Chanysheva [The World as Will and Representation; transl. from German; ed. by A. Chanyshv]. Moscow, 1999. 495 p. (In Russ.).

41. *Shul'ts V. L.* *Sotsiologiya znaniya: istoriya i metodologiya* [Sociology of Knowledge: History and Methodology]. Moscow, 2006. 194 p. (In Russ.).

42. *Allen R. J., Leiter B.* Naturalized Epistemology and the Law of Evidence. Available at: <https://ssrn.com/abstract=293732> or <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.293732>. (In Eng.).

43. *Binder J.* Das Problem der Juristischen Persönlichkeit. 1907. 146 p. In Germ.).

44. *Demogue R.* Des Notions Fondamentales du Droit Privé. 1911. 681 p. (In Fr.).

45. *Dernburg H.* Pandekten. 1902. Part I. 368 p. (In Germ.).

46. *Endemann F.* Lehrbuch des Bürgerlichen Rechts. 1903. Part I. Pp. 1050. (In Germ.).

47. *Engle E.* Ontology, Epistemology, Axiology: Bases for a Comprehensive Theory of Law (September 15, 2008). *Appalachian Journal of Law*. 2009. Vol. 8. Pp. 103–122. Available at: <https://ssrn.com/abstract=1268528>. (In Eng.).

48. *Finnis J. M.* What Is the Philosophy of Law? *Rivista di Filosofia del Diritto*. 2012. Issue 1. Pp. 67–78. Notre Dame Legal Studies Paper No. 12-67; Oxford Legal Studies Research Paper No. 45/2012. Available at: <https://ssrn.com/abstract=2109921>. (In Eng.).

49. *Loutzenhiser G.* Philosophical Theorising on Taxation. *Oxford Journal of Legal Studies*. 2020. Vol. 40. Issue 4. Pp. 905–925. Available at: <https://doi.org/10.1093/ojls/gqaa030>. (In Eng.).

50. *Gold A. S., Miller P. B.* Introduction to Philosophical Foundations of Fiduciary Law (August 28, 2014). *Philosophical Foundations of Fiduciary Law*; ed. by A. S. Gold, P.B. Miller. Oxford: Oxford University Press, 2014. Available at: <https://ssrn.com/abstract=2488563>. (In Eng.).

51. *Greenberg M.* Naturalism in Epistemology and the Philosophy of Law (May 20, 2011). *Law and Philosophy*. UCLA School of Law Research Paper No. 07-17. Available at: <https://ssrn.com/abstract=987523>. (In Eng.).

52. *Haack S.* Epistemology Legalized: Or, Truth, Justice, and the American Way. *American Journal of Jurisprudence*. 2004. Vol. 49. Pp. 43–61. Available at: <https://ssrn.com/abstract=682642>. (In Eng.).

53. *Hershovitz S.* The End of Jurisprudence (October 27, 2014). *Yale Law Journal*. Forthcoming. Available at: <https://ssrn.com/abstract=2515494>. (In Eng.).

54. *Holmes O. W.* The Path of the Law. *Harvard Law Review*. 1897. Vol. 10. Issue 8. 457 p. (In Eng.).

55. *Jellinek G.* System des Subjectiven öffentlichen Rechts. 1919. (In Germ.).

56. *Jenecke C.* Shaken Baby Syndrome, Wrongful Convictions, and the Dangers of Aversion to Changing Science in Criminal Law. *University of San Francisco Law Review*. 2014. Vol. 48. Pp. 147–188. Available at: <https://ssrn.com/abstract=2483551>. (In Eng.).

57. *Jhering R.* Geist des Römischen Rechts. 1906. Vol. III. 782 p. (In Germ.).

58. *Kornhauser L.A.* Doing without the Concept of Law. *New York University School of Law. Public Law Research Paper No. 15-33*. Available at: <https://ssrn.com/abstract=2640605> or <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.2640605>. (In Eng.).

59. *Oberdiek J.* Introduction: Philosophical Foundations of the Law of Torts. *Philosophical Foundations of the Law of Torts*; ed. by J. Oberdiek. Oxford: Oxford University Press, 2014. Available at: <https://ssrn.com/abstract=2493785>. (In Eng.).

60. *Pardo M. S.* The Field of Evidence and the Field of Knowledge. *Law and Philosophy*. July 2005. Vol. 24. Available at: <https://ssrn.com/abstract=691703>. (In Eng.).

61. *Patterson D.* Notes on the Methodology Debate in Contemporary Jurisprudence: Why Sociologists Might Be Interested. *Law & Sociology*. 2006. Vol. 8. Pp. 254–258. (In Eng.).

62. *Regelsberger F.* Pandekten. 1893. Vol. I. 717 p. (In Germ.).

63. *Robinson P. H., Darley J. M.* Does Criminal Law Deter? A Behavioral Science Investigation. Available at: <https://ssrn.com/abstract=660742>. (In Eng.).

64. *Saleille R.* De la Personalite Juridique. 1910. 684 p. (In Fr.).

65. *Schauer F.* In Defense of Rule-Based Evidence Law: And Rule-Based Epistemology Too (September 1, 2008). Available at: <https://ssrn.com/abstract=1261980> or <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.1261980>. (In Eng.).

Epistemology and Philosophy of Science. 2008. Vol. XVIII. Issue 4. Pp. 5–15. (In Russ.).

15. Kerimov D. A. *Izbrannye proizvedeniya. V 3 t.* [Selected Works. In 3 vols.]. Moscow, 2007. Vol. 2. 376 p. (In Russ.).

16. Kerimov D. A. *Metodologiya prava: Predmet, funktsii, problemy filosofii prava. 5-e izd.* [Methodology of Law: Subject, Functions, Problems of Philosophy of Law. 5th ed.]. Moscow, 2009. 520 p. (In Russ.).

17. Kibal'nik A. G. *Traditsii i novatsii v ugovnom prave: ochevidnoe i neveroyatnoe* [Traditions and Innovations in Criminal Law: the Obvious and the Incredible]. *Biblioteka kriminalista. Nauchnyy zhurnal* – The Criminalist's Library. Scientific Journal. 2015. Issue 5 (22). Pp. 70–74. (In Russ.).

18. Kudryavtsev V. N. *Izbrannye trudy po sotsial'nym naukam: v 3 t. T. 1* [Selected Works on Social Sciences: In 3 vols.]. Moscow, 2002. Vol. 1. 566 p. (In Russ.).

19. Lisitsyn-Svetlanov A. G. *Filosofiya prava: klassicheskie idei i vyzovy sovremennosti* [Philosophy of Law: Classical Ideas and Challenges of Modernity]. *Transformatsiya paradigmy prava v tsivilizatsionnom razvitii chelovechestva: doklady chlenov RAN / pod obshh. red. chl.-korr. RAN A. N. Savenkova* [Transformation of the Paradigm of Law in the Civilization Development of Mankind: Reports of Members of the Russian Academy of Sciences; ed. by Corresponding Member of the RAS A. N. Savenkov]. Moscow, 2019. Pp. 153–164. (In Russ.).

20. Losev A. F. *Pozdnie stoiki* [Late Stoics]. *Rimskie stoiki. Seneka, Epiktet, Mark Avreliy* [The Roman Stoics. Seneca, Epictetus, Marcus Aurelius]. Moscow, 1995. P. 365. (In Russ.).

21. Luria A. R. *Priroda chelovecheskikh konfliktov. Ob'ektivnoe izuchenie dezorganizatsii povedeniya cheloveka* [The Nature of Human Conflicts. An Objective Study of Disorganization of Human Behavior]. Moscow, 2002. 527 p. (In Russ.).

22. Makarov V. L. *Ekonomika znaniy: uroki dlya Rossii* [Economy of Knowledge: Lessons for Russia]. *Vestnik Rossiyskoy akademii nauk* – Herald of the Russian Academy of Sciences. 2003. Vol. 73. Issue 5. P. 450. (In Russ.).

23. Mal'tsev G. V. *Sotsial'nye osnovaniya prava* [Social Foundations of Law]. Moscow, 2013. 799 p. (In Russ.).

24. Merkel A. *Yuridicheskaya entsiklopediya* [Legal Encyclopedia]. St. Petersburg, 1902. 256 p. (In Russ.).

25. Muromtsev S. *Opreделение i osnovnoe razdelenie prava* [Definition and Basic Division of Law]. Moscow, 1879. 250 p. (In Russ.).

26. Nersesyants V. S. «*Obraz vraga*» – *avtoportret obshchestva* [‘Image of the Enemy’ as a Self-Portrait of Society]. *Platon – Plato*. 2014. Issue 4. Pp. 51–52. (In Russ.).

27. Savenkov A. N. *Filosofiya prava, pravovoe myshlenie i global'nye problemy sovremennoy tsivilizatsii* [Philosophy of Law, Legal Thinking and Global Problems of Modern Civilization]. *Transformatsiya paradigmy prava v tsivilizatsionnom razvitii chelovechestva: doklady chlenov RAN / pod obshh. red. chl.-korr. RAN A. N. Savenkova* [Transformation of the Paradigm of Law in the Civilizational Development of Mankind: Reports of Members of the Russian Academy of Sciences; ed. by Corresponding Member of the RAS A. N. Savenkov]. Moscow, 2019. Pp. 9–92. (In Russ.).

28. Sartre J.-P. *Problemy metoda. Stat'i / Per. s fr. V. P. Gaydamaka* [Method Problems. Articles; transl. from French by V. P. Gaydamak]. Moscow, 2008. 222 p. (In Russ.).

29. Solov'ev V. *Filosofskoe nachalo tsel'nogo znaniya* [The Philosophical Principles of Integral Knowledge]. Minsk, 1999. 911 p. (In Russ.).

30. Sorokin V. V. *Volya v prave: aktualizatsiya problemy* [Will in Law: Bringing the Problem to Light]. *Istoriko-pravovye problemy: novyy rakkurs* – Historical-Legal Problems: the New Viewpoint. 2012. Issue 5. Pp. 258–262. (In Russ.).

31. Spinoza B. *Izbrannye proizvedeniya v dvukh tomakh* [Selected Works in Two Vols.]. Moscow, 1957. Vol. 1. 631 p. (In Russ.).

32. Toshhenko Zh. T. *Novye tendentsii v razviti Rossii* [New Trends in the Development of Russian Sociology]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* – Sociological Studies. 2013. Issue 4 (348). Pp. 3–13. (In Russ.).

33. Trubetskoy E. N. *Trudy po filosofii prava / Vstup. st. sost. i primech. I. I. Evlampieva* [Proceedings on the Philosophy of Law; preface and commentary by I. I. Evlampiev]. St. Petersburg, 2001. 543 p. (In Russ.).

34. Feuerbach L. *Istoriya filosofii. Sbranie proizvedeniy v trekh tomakh. Per. s nem. Pod obshh. red. M. M. Grigor'yana* [The History of Philosophy. Collected Works in 3 vols.; transl.

66. Schauer F. On the Nature of the Nature of Law (May 9, 2011). Available at: <https://ssrn.com/abstract=1836494> or <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.1836494>. (In Eng.).

67. Schlag P. The Knowledge Bubble — Something Amiss in Expertopia. Forthcoming; ed. by J. Desautels-Stein, C. Tomlins. *Search of Contemporary Legal Thought*. December 14, 2016. Available at: <https://ssrn.com/abstract=2741144> or <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.2741144>. (In Eng.).

68. Smith S. D. Jurisprudence: Beyond Extinction? San Diego Legal Studies Paper No. 07-108. Available at: <https://ssrn.com/abstract=1009249> or <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.1009249>. (In Eng.).

69. Rodriguez-Blanco V. Philosophising on International Law: Jovanović's Conception of Normativity and Rationality. *Revus*. 2020. Issue 43. Available at: <http://journals.openedition.org/revus/6461>. DOI: <https://doi.org/10.4000/revus.6461>. (In Eng.).

References in Russian

1. Алексеев С. С. *Философия права*. М.: Норма, 1998. 336 с.

2. Бабаев М. М., Пудовочкин Ю. Е. Диалектика традиций и новаций в уголовном праве // *Библиотека криминалиста. Научный журнал*. 2015. № 2.

3. Бочкарев С. А. Теоретико-методологическое исследование уголовного права как системы научного знания: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2020. 539 с.

4. Вернадский В. И. *Философские мысли натуралиста*. М.: Наука, 1988. 520 с.

5. Виндшейд Б. *Учебник пандектного права: общая часть* / пер. с нем., ред. и предисл. С. В. Пахман. СПб.: Гиероглифов и Никифоров, 1874. 375 с.

6. Гегель Г. *Философия права*. М., 2000. 464 с.

7. Гегель Г. В. Ф. *Философия права* / пер. с нем.; ред. и сост. Д. А. Керимов и В. С. Нерсесянц; вступ. ст. и примеч. В. С. Нерсесянц. М.: Мысль, 1990. 524 с.

8. Гегель Г. *Энциклопедия философских наук*. Т. 1: *Наука логики*. М.: Мысль, 1974. 452 с.

9. Грибанов Д. В. *Чувство права* // *Известия высших учебных заведений. Правоведение*. 2010. № 3 (290). С. 253–260.

10. Грин Р. *Законы власти* / пер. с англ. Е. Я. Мигуновой. М.: РИПОЛ классик, 2009. 382 с.

11. Закомлистов А. Ф. *Юридическая философия*. СПб.: Юрид. центр-Пресс, 2003. 548 с.

12. Иоффе О. С. *Избранные труды по гражданскому праву: Из истории цивилистической мысли. Гражданское правоотношение. Критика теории «хозяйственного права»*. М.: Статут, 2009. 777 с.

13. Кант И. *Критика чистого разума* / пер. с нем. Н. О. Лосского. М.: Эксмо, 2015. 734 с.

14. Касавин И. Т. *Пространство: бытийственная основа знания* // *Эпистемология и философия науки*. 2008. Т. XVIII, № 4. С. 5–15.

15. Керимов Д. А. *Избранные произведения: в 3 т.* М.: Изд. дом «Академия», 2007. Т. 2. 376 с.

16. Керимов Д. А. *Методология права: предмет, функции, проблемы философии права. 5-е изд.* М.: Изд-во СГУ, 2009. 520 с.

17. Кибальник А. Г. *Традиции и новации в уголовном праве: очевидное и невероятное* // *Библиотека криминалиста. Научный журнал*. 2015. № 5 (22). С. 70–74.

18. Кудрявцев В. Н. *Избранные труды по социальным наукам: в 3 т.* М.: Наука, 2002. Т. 1. 566 с.

19. Лисицын-Светланов А. Г. *Философия права: классические идеи и вызовы современности* // *Трансформация парадигмы права в цивилизационном развитии человечества: докл. чл. РАН / под общ. ред. chl.-korr. РАН А. Н. Савенкова*. М.: ИГП РАН, 2019. С. 153–164.

20. Лосев А. Ф. *Поздние стоики* // *Римские стоики. Сенека, Эпиктет, Марк Аврелий*. М., 1995. 365 с.

21. Лурия А. Р. *Природа человеческих конфликтов. Объективное изучение дезорганизации поведения человека*. М.: Когито-Центр, 2002. 527 с.

22. Макаров В. Л. *Экономика знаний: уроки для России* // *Вестник Российской академии наук*. 2003. Т. 73, № 5. С. 450–465.

23. Мальцев Г. В. *Социальные основания права*. М.: Норма: ИНФРА-М, 2013. 799 с.

24. Меркель А. *Юридическая энциклопедия*. СПб., 1902. 256 с.

25. Муромцев С. *Определение и основное разделение права*. М.: Тип. А. И. Мамонтова и Ко, 1879. 250 с.

from German; ed. by M. M. Grigor'yan]. Moscow, 1967. Vol. 3. 486 p. (In Russ.).

35. *Ferri E. Ugolovnaya sotsiologiya* [Criminal Sociology]. Moscow, 1908. 657 p. (In Russ.).

36. *Chukin S. G. Plyuralizm, solidarnost', spravedlivost'. K probleme identichnosti filosofsko-pravovogo diskursa v situatsii postmoderna* [Pluralism, Solidarity, Justice. On the Problem of Identity of Philosophical and Legal Discourse in the Postmodern Situation]. St. Petersburg, 2000. 280 p. (In Russ.).

37. *Shershenevich G. Obshhaya teoriya prava* [General Theory of Law]. Moscow, 1912. 698 p. (In Russ.).

38. *Shibutani T. Sotsial'naya psikhologiya* [Social Psychology]. Moscow, 1969. 534 p. (In Russ.).

39. *Schopenhauer A. Izrecheniya. Aforizmy zHITEYSKOY mudrosti / Per. s nem. F. Chernigovets, R. Kresin* [Sayings. Aphorisms of the Wisdom of Life; transl. from German by F. Chernigovets, R. Kresin]. Minsk, 2011. 250 p. (In Russ.).

40. *Schopenhauer A. Sobranie sochineniy: V 6 t. [Collected Works: In 6 vols.]. Vol. 1. Mir kak volya i predstavlenie / Per. s nem.; Pod obshh. red. A. Chanyшева* [The World as Will and Representation; transl. from German; ed. by A. Chanyshv]. Moscow, 1999. 495 p. (In Russ.).

41. *Shul'ts V. L. Sotsiologiya znaniya: istoriya i metodologiya* [Sociology of Knowledge: History and Methodology]. Moscow, 2006. 194 p. (In Russ.).

42. *Allen R. J., Leiter B. Naturalized Epistemology and the Law of Evidence*. Available at: <https://ssrn.com/abstract=293732> or <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.293732>. (In Eng.).

43. *Binder J. Das Problem der Juristischen Persönlichkeit*. 1907. 146 p. In Germ.).

44. *Demogue R. Des Notions Fondamentales du Droit Privé*. 1911. 681 p. (In Fr.).

45. *Dernburg H. Pandekten*. 1902. Part I. 368 p. (In Germ.).

46. *Endemann F. Lehrbuch des Bürgerlichen Rechts*. 1903. Part I. Pp. 1050. (In Germ.).

47. *Engle E. Ontology, Epistemology, Axiology: Bases for a Comprehensive Theory of Law* (September 15, 2008). *Appalachian Journal of Law*. 2009. Vol. 8. Pp. 103–122. Available at: <https://ssrn.com/abstract=1268528>. (In Eng.).

48. *Finnis J. M. What Is the Philosophy of Law?* *Rivista di Filosofia del Diritto*. 2012. Issue 1. Pp. 67–78. *Notre Dame Legal Studies Paper*

No. 12-67; *Oxford Legal Studies Research Paper* No. 45/2012. Available at: <https://ssrn.com/abstract=2109921>. (In Eng.).

49. *Loutzenhiser G. Philosophical Theorising on Taxation*. *Oxford Journal of Legal Studies*. 2020. Vol. 40. Issue 4. Pp. 905–925. Available at: <https://doi.org/10.1093/ojls/gqaa030>. (In Eng.).

50. *Gold A. S., Miller P. B. Introduction to Philosophical Foundations of Fiduciary Law* (August 28, 2014). *Philosophical Foundations of Fiduciary Law*; ed. by A. S. Gold, P.B. Miller. Oxford: Oxford University Press, 2014. Available at: <https://ssrn.com/abstract=2488563>. (In Eng.).

51. *Greenberg M. Naturalism in Epistemology and the Philosophy of Law* (May 20, 2011). *Law and Philosophy*. *UCLA School of Law Research Paper* No. 07-17. Available at: <https://ssrn.com/abstract=987523>. (In Eng.).

52. *Haack S. Epistemology Legalized: Or, Truth, Justice, and the American Way*. *American Journal of Jurisprudence*. 2004. Vol. 49. Pp. 43–61. Available at: <https://ssrn.com/abstract=682642>. (In Eng.).

53. *Hershovitz S. The End of Jurisprudence* (October 27, 2014). *Yale Law Journal*. Forthcoming. Available at: <https://ssrn.com/abstract=2515494>. (In Eng.).

54. *Holmes O. W. The Path of the Law*. *Harvard Law Review*. 1897. Vol. 10. Issue 8. 457 p. (In Eng.).

55. *Jellinek G. System des Subjectiven öffentlichen Rechts*. 1919. (In Germ.).

56. *Jenecke C. Shaken Baby Syndrome, Wrongful Convictions, and the Dangers of Aversion to Changing Science in Criminal Law*. *University of San Francisco Law Review*. 2014. Vol. 48. Pp. 147–188. Available at: <https://ssrn.com/abstract=2483551>. (In Eng.).

57. *Jhering R. Geist des Römischen Rechts*. 1906. Vol. III. 782 p. (In Germ.).

58. *Kornhauser L.A. Doing without the Concept of Law*. *New York University School of Law. Public Law Research Paper* No. 15-33. Available at: <https://ssrn.com/abstract=2640605> or <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.2640605>. (In Eng.).

59. *Oberdiek J. Introduction: Philosophical Foundations of the Law of Torts*. *Philosophical Foundations of the Law of Torts*; ed. by J. Oberdiek. Oxford: Oxford University Press, 2014. Available at: <https://ssrn.com/abstract=2493785>. (In Eng.).

26. *Нерсесянц В. С. «Образ врага» – автопортрет общества* // Платон. 2014. № 4. С. 51–52.

27. *Савенков А. Н. Философия права, правовое мышление и глобальные проблемы современной цивилизации* // Трансформация парадигмы права в цивилизационном развитии человечества: докл. чл. РАН / под общ. ред. чл.-корр. РАН А.Н. Савенкова. М.: ИГП РАН, 2019. С. 9–92.

28. *Сартр Ж. П. Проблемы метода: статьи / пер. с фр. В.П. Гайдамака. М.: Акад. Проект, 2008. 222 с.*

29. *Соловьев В. Философское начало цельного знания*. Минск.: Харвест, 1999. 911 с.

30. *Сорокин В. В. Воля в праве: актуализация проблемы* // Историко-правовые проблемы: новый ракурс. 2012. № 5. С. 258–262.

31. *Спиноза Б. Избранные произведения: в 2 т. М.: Госполитиздат, 1957. Т. 1. 631 с.*

32. *Тощенко Ж. Т. Новые тенденции в развитии российской социологии* // Социологические исследования. 2013. № 4 (348). С. 3–13.

33. *Трубецкой Е. Н. Труды по философии права / вступ. ст. сост. и примеч. И.И. Евлампиева. СПб.: Изд-во РХГПИ, 2001. 543 с.*

34. *Фейербах Л. История философии: в 3 т. / пер. с нем.; под общ. ред. М. М. Григорьяна. М.: Мысль, 1967. Т. 3. 486 с.*

35. *Ферри Э. Уголовная социология*. М., 1908. 657 с.

36. *Чукин С. Г. Плюрализм, солидарность, справедливость. К проблеме идентичности философско-правового дискурса в ситуации постмодерна*. СПб.: С.-Петерб. ун-т МВД России, 2000. 280 с.

37. *Шершеневич Г. Общая теория права*. М.: Изд. Бр. Башмаковых, 1912. 698 с.

38. *Шибутани Т. Социальная психология*. М.: Прогресс, 1969. 534 с.

39. *Шопенгауэр А. Изречения. Афоризмы житейской мудрости / пер. с нем. Ф. Черниговец, Р. Кресин. Минск: Харвест, 2011. 250 с.*

40. *Шопенгауэр А. Собрание сочинений: в 6 т. Т. 1: Мир как воля и представление: / пер. с нем.; под общ. ред. А. Чанышева. М.: ТЕРРА-Книжный клуб; Республика, 1999. 495 с.*

41. *Шульц В. Л. Социология знания: история и методология*. М.: Наука, 2006. 194 с.

42. *Allen R. J. and Leiter B. Naturalized Epistemology and the Law of Evidence*. URL: <https://ssrn.com/abstract=293732>; <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.293732>.

43. *Binder J. Das Problem der juristischen Persönlichkeit*, 1907. 146 S.

44. *Demogue R. Des notions fondamentales du droit privé*. 1911. 681 p.

45. *Dernburg H. Pandekten*, 1902 T. I. 1050 S.

46. *Endemann F. Lehrbuch des bürgerlichen Rechts*. 1903. T. I.

47. *Engle E., Ontology, Epistemology, Axiology: Bases for a Comprehensive Theory of Law* // *Appalachian Journal of Law*. 2009. Vol. 8. Pp. 103–122. URL: <https://ssrn.com/abstract=1268528>.

48. *Finnis J. M. What is the Philosophy of Law?* // *Rivista di Filosofia del Diritto* 1 (2012) 67–78, *Notre Dame Legal Studies Paper* 12–67, *Oxford Legal Studies Research Paper* № 45/2012. URL: <https://ssrn.com/abstract=2109921>.

49. *Loutzenhiser G. Philosophical Theorising on Taxation* // *Oxford Journal of Legal Studies*. 2020. Vol. 40, Issue 4. Pp. 905–925. URL: <https://doi.org/10.1093/ojls/gqaa030>.

50. *Gold A. S. and Miller P. B., Introduction to Philosophical Foundations of Fiduciary Law* // S. Gold & Paul B. Miller, *Philosophical Foundations of Fiduciary Law*. Oxford: Oxford University Press, 2014. URL: <https://ssrn.com/abstract=2488563>.

51. *Greenberg M. Naturalism in Epistemology and the Philosophy of Law* // *Law and Philosophy*. *UCLA School of Law Research Paper*. 2011. № 07-17. URL: <https://ssrn.com/abstract=987523>.

52. *Haack S. Epistemology Legalized: Or, Truth, Justice, and the American Way* // *American Journal of Jurisprudence*. 2004. Vol. 49. Pp. 43–61. URL: <https://ssrn.com/abstract=682642>.

53. *Hershovitz S. The End of Jurisprudence* *Yale Law Journal*, Forthcoming. October 27, 2014. URL: <https://ssrn.com/abstract=2515494>.

54. *Holmes O. W. The Path of the Law*, *Harv. L. Rev.* 10.457 (1897). 457 p.

55. *Jellinek G. System des subjectiven öffentlichen Rechts*. 1919.

56. *Jenecke C. Shaken Baby Syndrome, Wrongful Convictions, and the Dangers of Aversion to Changing Science in Criminal* // *University of San Francisco Law Review*. 2014. Vol. 48. Pp. 147–188. URL: <https://ssrn.com/abstract=2483551>.

57. *Jhering R. Geist des römischen Rechts*, 1906, T. III. 782 p.

58. *Kornhauser L. A. Doing Without the Concept of Law*. *NYU School of Law. Public Law*

60. *Pardo M. S.* The Field of Evidence and the Field of Knowledge. *Law and Philosophy*. July 2005. Vol. 24. Available at: <https://ssrn.com/abstract=691703>. (In Eng.).

61. *Patterson D.* Notes on the Methodology Debate in Contemporary Jurisprudence: Why Sociologists Might Be Interested. *Law & Sociology*. 2006. Vol. 8. Pp. 254–258. (In Eng.).

62. *Regelsberger F.* Pandekten. 1893. Vol. I. 717 p. (In Germ.).

63. *Robinson P. H., Darley J. M.* Does Criminal Law Deter? A Behavioral Science Investigation. Available at: <https://ssrn.com/abstract=660742>. (In Eng.).

64. *Saleille R.* De la Personalite Juridique. 1910. 684 p. (In Fr.).

65. *Schauer F.* In Defense of Rule-Based Evidence Law: And Rule-Based Epistemology Too (September 1, 2008). Available at: <https://ssrn.com/abstract=1261980> or <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.1261980>. (In Eng.).

Информация об авторе:

С. А. Бочкарев, доктор юридических наук, научный сотрудник

Институт государства и права РАН
119019, Россия, г. Москва, ул. Знаменка, 10

ORCID: 0000-00003-3217-7508

66. *Schauer F.* On the Nature of the Nature of Law (May 9, 2011). Available at: <https://ssrn.com/abstract=1836494> or <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.1836494>. (In Eng.).

67. *Schlag P.* The Knowledge Bubble — Something Amiss in Expertopia. Forthcoming; ed. by J. Desautels-Stein, C. Tomlins. *Search of Contemporary Legal Thought*. December 14, 2016. Available at: <https://ssrn.com/abstract=2741144> or <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.2741144>. (In Eng.).

68. *Smith S. D.* Jurisprudence: Beyond Extinction? San Diego Legal Studies Paper No. 07-108. Available at: <https://ssrn.com/abstract=1009249> or <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.1009249>. (In Eng.).

69. *Rodriguez-Blanco V.* Philosophising on International Law: Jovanović's Conception of Normativity and Rationality. *Revus*. 2020. Issue 43. Available at: <http://journals.openedition.org/revus/6461>. DOI: <https://doi.org/10.4000/revus.6461>. (In Eng.).

About the author:

S. A. Bochkarev

Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences
10, Znamenka st., Moscow, 119019, Russia

ORCID: 0000-00003-3217-7508

Research Paper. August 3, 2015. № 15-33. URL: <https://ssrn.com/abstract=2640605>; <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.2640605>.

59. *Oberdiek J.* Introduction: Philosophical Foundations of the Law of Torts. *Philosophical Foundations of the Law of Torts*. Oxford: Oxford University Press, 2014. URL: <https://ssrn.com/abstract=2493785>.

60. *Pardo M. S.* The Field of Evidence and the Field of Knowledge // *Law and Philosophy*. July 2005. Vol. 24. URL: <https://ssrn.com/abstract=691703>.

61. *Patterson D.* Notes on the Methodology Debate in Contemporary Jurisprudence: Why Sociologists Might be Interested // *Law & Sociology* 8.254 (Michael Freeman ed.) 2005. Pp. 254–258.

62. *Regelsberger F.* Pandekten. 1893. T. I. 717 p.

63. *Robinson, P. H. and Darley, J. M.* Does Criminal Law Deter? A Behavioral Science Investigation. URL: <https://ssrn.com/abstract=660742>.

64. *Saleille R.* De la personalite juridique. 1910.

65. *Schauer F.* In Defense of Rule-Based Evidence Law: And Rule-Based Epistemology Too. September 1, 2008. URL: <https://ssrn.com/abstract=1261980>; <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.1261980>.

Информация об авторе:

С. А. Бочкарев, доктор юридических наук, научный сотрудник

Институт государства и права РАН
119019, Россия, г. Москва, ул. Знаменка, 10

ORCID: 0000-00003-3217-7508

abstract=1261980; <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.1261980>.

66. *Schauer F.* On the Nature of the Nature of Law. May 9, 2011. URL: <https://ssrn.com/abstract=1836494>; <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.1836494>.

67. *Schlag P.* The Knowledge Bubble — Something Amiss in Expertopia. Forthcoming, Justin Desautels-Stein and Christopher Tomlins (editors) // *Search of Contemporary Legal Thought*. December 14, 2016. URL: <https://ssrn.com/abstract=2741144>; <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.2741144>.

68. *Smith St. D.*, Jurisprudence: Beyond Extinction? // San Diego Legal Studies Paper. August 22, 2007. № 07-108. URL: <https://ssrn.com/abstract=1009249>; <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.1009249>.

69. *Rodriguez-Blanco V.* Philosophising on international law: Jovanović's conception of normativity and rationality. *Revus* [on-line]; № 43. 2020, on-line since 11 November 2020, connection on 15 January 2021. URL: <http://journals.openedition.org/revus/6461>; DOI: <https://doi.org/10.4000/revus.6461>.

About the author:

S. A. Bochkarev

Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences
10, Znamenka st., Moscow, 119019, Russia

ORCID: 0000-00003-3217-7508